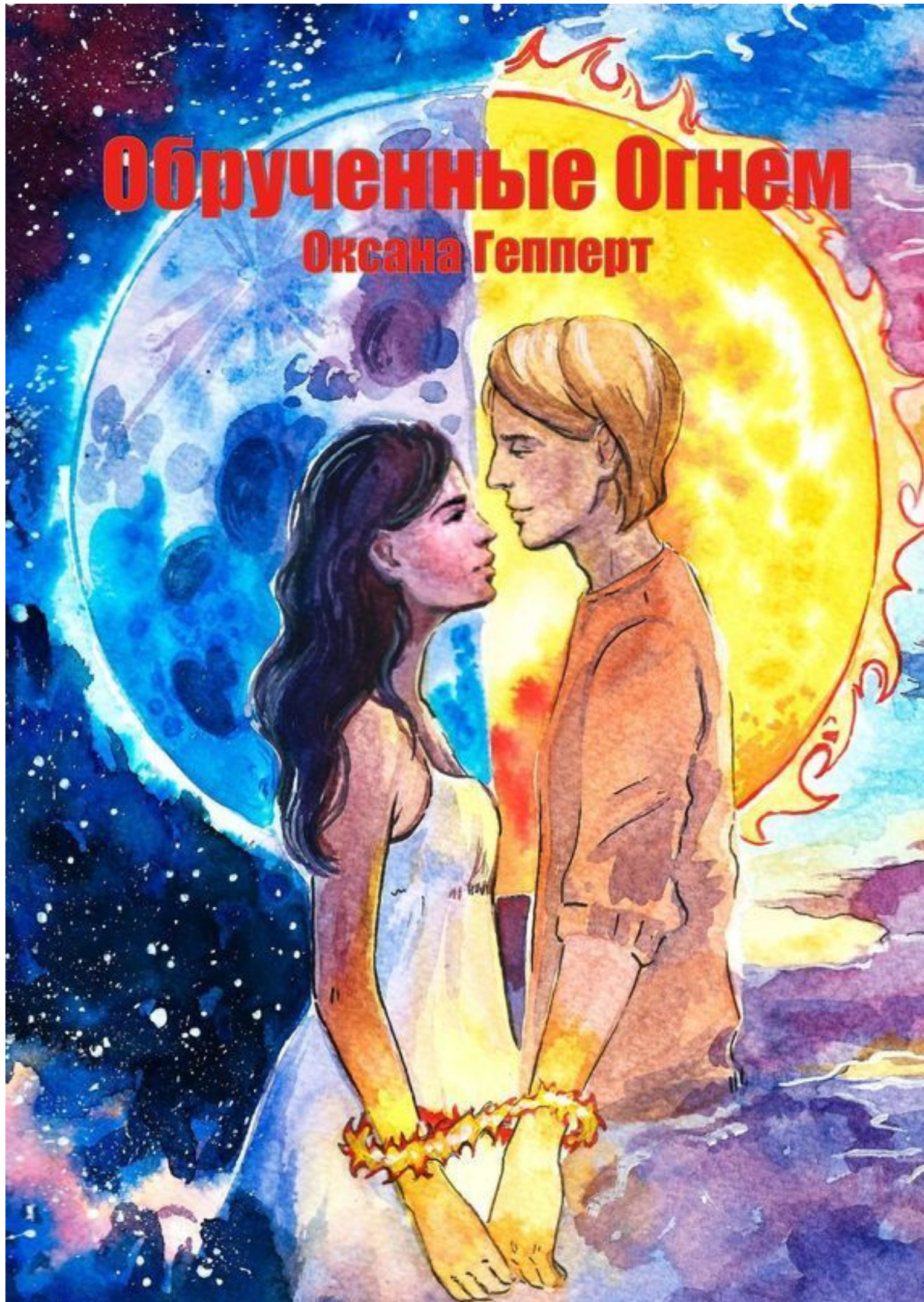

Обрученные Огнем

Оксана Гепперт

Оксана Гепперт

Обрученные огнем

«Издательские решения»

Гепперт О.

Обрученные огнем / О. Гепперт — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-742337-7

Вам когда-нибудь приходила в голову нелепая мысль, будто вы не с этой планеты? А еще вы словно все время кого-то ждете. Что если бы однажды этот «кто-то» действительно появился?.. «Обрученные огнем» — художественная книга о Звездорожденных. В основе сюжета — концепция «близнецовых пламен» — в авторской мифологии — обрученных огнем, которые воплощаются на Земле для выполнения сложных совместных задач. Любите сказки? Тогда, сколько бы вам ни было лет, вы подружитесь с этой книгой.

ISBN 978-5-44-742337-7

© Гепперт О.
© Издательские решения

Содержание

Часть 1. Огонь	6
Глава 1. Притяжение	6
Глава 2. Столкновение	11
Глава 3. Честные ответы	17
Глава 4. Вкус другой жизни	23
Глава 5. Память	30
Глава 6. Пробуждение	33
Глава 7. Бабушкин сундук	36
Глава 8. Новичок	43
Глава 9. Яблоко раздора	46
Глава 10. Мечта о побеге	50
Глава 11. Пророчество	52
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Обрученные огнем

Оксана Гепперт

Дизайнер обложки Алиса Олеговна Гирдюк

© Оксана Гепперт, 2018

© Алиса Олеговна Гирдюк, дизайн обложки, 2018

ISBN 978-5-4474-2337-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Я открою вам одну тайну... дело в том, что и вы, и я, и люди вообще... мы живем не на той планете. Почему влюбленные смотрят на звезды? Почему их так привлекает небо? И оно распахивается перед ними... Почему во сне мы разговариваем на неизвестных языках совершенно свободно, явственно видим ландшафты... А чувства? Яркие, прекрасные, которые мы забываем днем?.. Вам случалось узнавать людей, которых вы никогда не видели прежде? Это – фантазии?.. Но они больше, чем целая жизнь. Вы посмотрите на людей... ну разве стали бы они так обижать, так мучить друг друга, если бы знали, что они единое целое... если бы помнили... но все наши несчастья – кратковременны. Дети, наши внуки и правнуки, они поймут... они отбросят все мелкое, они будут любить друг друга...»

© «Фантазии Фарятьева»

Часть 1. Огонь

Нет дорог кроме тех, что мы выбираем

Иногда один вынужден отвечать за всех

Глава 1. Притяжение

Холод в библиотеке стоял такой, как если бы отопление не работало. Ржавые батареи были не способны отапливать обветшалое двухэтажное здание довоенной постройки с внушительного размера зазорами в оконных рамах. За окнами под ногами прохожих похрустывал снег, а в здании от сквозняка в унисон потрескивали обои, грозясь, вместе с паутиной и ее обитателями, обрушиться на ничего не подозревающих посетителей читалки. Сегодня любая деталь окружающей обстановки отвлекала от чтения.

Некоторые книги, хранящиеся здесь, уникальны, и не имеют цифровых копий, но вынуждены ветшать и сыреть. Их судьба здорово напоминает мою собственную. Мысль, что каждый человек похож на ту или иную книгу, хотя и не свежа, но идеальна для понимания характеров. Одна пестрая наружность скрывает гламурный женский роман, другая, деловая, с минимумом неброских но существенных деталей вроде ролекса и гладкого черного ствола, ненавязчиво торчащего из заднего кармана идеально скроенных брюк – очередную попытку клонировать бондиану. Я же, это... какое-нибудь раритетное издание замороженной «Всеобщей теории всего» в классическом коричневом переплете. Настолько классическом, что такую обложку рядовой читатель открыть не потрудится. Я стою на полке с женскими романами и бондианами, расходящимися на ура, и хотя какой-нибудь коллекционер, возможно, оценил бы этот экземпляр, я продолжаю пылиться здесь, ведь коллекционеры присматриваются совершенно к другим полкам.

Таковы будни вундеркинда в общеобразовательной средней школе.

Казалось бы, зачем стучать зубами в стильной библиотеке за пять остановок от дома – в век информационных технологий?.. Домашним я на подобные вопросы отвечаю, что преподаватели требуют готовить рефераты не по сомнительным материалам без авторства, скачанным из интернета, а по надежным проверенным источникам... пусть и успевшим устареть за несколько десятилетий... но истинная причина в другом. Большинство книг, что здесь есть, я уже прочла. Несложно успеть, если читаешь с трех лет, и занятие это составляет основную часть твоего досуга. К настоящему моменту мое внимание переключилось на периодику – увесистые подшивки научно-популярных и разнообразных специализированных журналов. Это и компьютерные журналы, издания по лингвистике, современные литературные журналы, и многое другое, что не попадает в сеть сразу после выхода из печати. Я пробовала покупать, но деньги на карманные расходы кончились почти так же быстро, как и свободное место в домашнем книжном шкафу.

Процесс подготовки школьного реферата, которым я на сей раз объяснила родителям свой поход в читалку, вот уже полчаса как протекал достаточно вяло, поэтому идея перейти наконец к журналам показалась мне вдохновляющей. Скрывшись за стопкой энциклопедий, я раскрыла еще хранящие запах краски плотные страницы. Так, что у нас тут? Очередная публикация на тему Розуэлла и Ангара 18, сопровождающаяся подлинными, как уверял комментарий, фотографиями (решив, что вроде-как-фотографии – не что иное, как плод совместной деятельности дизайнера и программы Photoshop, я перевернула страницу) ... отры-

вок из книги американского гипнолога, во время своих сеансов сумевшего якобы узнать у пациентов об их прошлых жизнях и о том, что происходит с душой после смерти (хм... одна лишь мысль о регрессивном гипнозе по некоей загадочной причине пугала до дрожи в коленках, пришлось снова листать) ... ну и вот: то, ради чего я взяла сей образчик печатной продукции, а именно – отчет моего кумира, шведского ученого Элиаса Кристенсена, о его последней экспедиции. В научном мире о Кристенсене сложилось неоднозначное мнение. Все дело в том, что именитый профессор астрофизики в какой-то момент, руководствуясь одному ему известными причинами, плюнул на официальную науку и занялся частными изысканиями в сфере непознанного, которую обиженные представители официального крыла клеймили как, цитирую, «псевдонаучный бред».

Ладно, сначала стоит прочесть отчет Кристенсена, а потом, может быть, и все остальное...

В статье профессор подробно описывал результаты своей экспедиции к месту падения Тунгусского метеорита. Он утверждал, что нашел там некий артефакт, подтверждающий непопулярную в официальных кругах инопланетную теорию происхождения данного «небесного тела».

Заявление официальной науки, представленной в данном случае в лице академика Шахоростова, гласило:

«С сожалением вынужден констатировать, что в наши дни появляется все больше сомнительных теорий, которые обретают нездоровую популярность. Благодаря сети интернет и так называемой „альтернативной науке“ мир узнал о чакрах, торсионных полях и прочей псевдонаучной ереси. Особенно угнетают ситуации, когда к подобного рода „ученым“ в кавычках примыкает столь уважаемый в официальных кругах человек, как профессор Кристенсен. Мы не догадываемся о мотивах, побудивших его к тому, чтобы сменить взгляды, но со своей стороны вынуждены заявить, что официальная наука не имеет никакого отношения к подобного рода „открытиям“, и вряд ли когда-либо станет иметь...»

Комментарий профессора парировал:

«Вынужден не согласиться с моим уважаемым коллегой, ибо взглядов, равно как и методов исследования, я не менял, а лишь пытался несколько расширить сферу изысканий. Не хотелось бы создавать прецедентов информационной войны и интеллектуального неравенства между так называемыми „официальной“ и „альтернативной“ сторонами. Как ученый и человек, содействующий прогрессу, я пришел к выводу, что обществу пора признать необходимость синтеза научного подхода первых и некоторых опальных идей вторых. Не стоит забывать, что термины „ересь“ и „еретик“ имеют отношение к деятельности Инквизиции, не являющейся научной организацией, и более того – способствовавшей физическому уничтожению прогрессивных ученых. Официальное крыло ждет материальных доказательств „еретических“ теорий? Значит, кто-то должен их предоставить.»

Я улыбнулась. Официальные круги клеймят Кристенсена за «предательство рядов», как фрика со склонностью к дешевой мистике, каких в обществе и впрямь хватает, но в данном случае обвинения явно не по адресу. Ибо большинство подобных фриков имеют большие пробелы в знаниях, и в качестве мотивации – столь же большую жажду рубля. Профессор, в отличие от них, заработал свою профессорскую степень трудом и достижениями, тем временем зарегистрировав несколько патентов на изобретения, и таким образом приобрел немалый доход. Доход этот и стал тем самым источником, из которого осуществлялось теперь финансирование его «сомнительных» изысканий. Уважение официальной науки пошатнулось, когда Кристенсен покусился на «святое» – фундаментальные научные постулаты, – в частности, выдвинул ряд косвенных доказательств идеи о множестве обитаемых миров и вмешательстве их представителей в земную эволюцию. История знает примеры,

когда исследователи, пытаясь превзойти установленные рамки, встречали всеобщий громогласный протест. И кое-кто в результате таких попыток даже сгорел. В самом прямом смысле, на костре. Однако, в наши дни «костры инквизиции» горят виртуально – профессор успеет добыть и предъявить свои доказательства. За этим самым поиском я давно и с огромным интересом наблюдаю.

Что-то неожиданно выдернуло меня из раздумий.

Холод вернулся вместе с ощущением реальности, но на сей раз оказал бодрящее действие. Я обвела взглядом зал. Все как всегда: пожилые господа в костюмах, дети, утопающие в фолиантах, вроде тех, коими я сама запаслась, парень и девушка, сладко слипшиеся за дальним столом и при этом пытающиеся сохранять видимость приличия (Диана, стыдись – это зависть), два изрядно «помятых» неформала на диванчике (непохоже, чтобы их привлекла сюда перспектива листать подшивки журнала «Аргументы. PRO ET CONTRA», скорее, прячутся от «весомых аргументов» шпаны) ... снова джентльмены в костюмах (наверняка преподаватели), парень моего возраста (симпатичный блондин), пожилая дама со старомодной высокой прической, беспокойный мужчина средних лет, держащий в руках замусоленную папочку... глаза сами собой вернулись к блондину у библиотечной стойки. На вид – едва ли больше, чем мне, максимум лет семнадцать. Хорошо сложен, хорошо одет... Редкое сочетание внешности, дорогостоящего гардероба и вкуса. Изучив объект своего неожиданного интереса внимательнее, я обнаружила один неоспоримый факт. Он не был симпатичным. Скорее, из тех редких людей, что кажутся красивыми всем – независимо от возраста, пола, национальности и личных предпочтений наблюдателя... ведь от этих людей веет какой-то притягательной силой. Харизма, магнетизм, особая энергетика... а может быть, банальное умение себя подать. На внешность тоже грех жаловаться – точеный профиль, правильные, гармоничные черты... Стройный, движения плавные, но вместе с тем отточенные, как если бы незнакомец... скажем, изучал восточные единоборства? Интересно, какая он книга?... Обложка многообещающая уже потому, что его сложно с ходу определить на ту или иную полку.

Я начала входить во вкус своего наблюдения-экспромта. В это время блондин задал вопрос библиотекарю, и я поняла, что именно отвлекло мое внимание от чтения. Дело в том, что у меня врожденное лингвистическое чутье. Языки давались в детстве так легко, что в свои шестнадцать свободно говорю на трех – английском, немецком и испанском, и знаю некоторую лексику еще из десятка, пожалуй. У заинтересовавшего меня парня был едва уловимый акцент, похоже, какое-то время он жил в одной из скандинавских стран.

За лингвистическими экзерсисами я не сразу поняла смысл его слов, но, когда из ответа библиотекаря он обрисовался более чем явно, по моей спине прошел холодок: незнакомец спрашивал номер журнала, который в этот самый момент читала я.

Библиотекарь объяснила, что подшивка этого журнала существует в единственном экземпляре, и запрашиваемый номер сейчас на руках. Со все возрастающим интересом, я наблюдала за происходящим из своего книжного окопа.

Блондин ничего не стал уточнять, и поблагодарил за информацию. Почти с тоской подумалось, что сейчас он выйдет из зала, лишив меня тем самым радости тайного наблюдения.

Однако, вместо того, чтобы покинуть читалку, парень окинул беглым взглядом сидящих, и самой что ни на есть уверенной походкой направился... прямоком ко мне! Мои брови поползли вверх. Я готова была поклясться, что он НЕ МОГ видеть журнала, поскольку тот в данный момент был закрыт от его взгляда несколькими томами оправдывающей свое название Большой советской энциклопедии, но... он остановился возле моего стола и произнес:

– Добрый день. Не помешаю?

– Все равно я давно ничего не вижу в книге, даже того, что в ней обычно видят вместо текста.

Он вежливо улыбнулся моей неуклюжей шутке и спросил чуть насмешливо:

– Разве вы читали что-то из формирующего этот «бункер»? Мне показалось, энциклопедии для отвода глаз.

Я вздрогнула от неожиданности.

Похоже, «отвод глаз» не сработал, иначе как бы он догадался, у кого из обширной аудитории читалки находится искомый журнал?.. Вот она, настоящая наблюдательность, рядом с которой мои жалкие потуги делать умозаключения смотрятся плачевно. Один-ноль.

Несколько секунд парень изучал мою реакцию. Затем, даже не пытаясь скрыть озорные искорки во взгляде ярких голубых глаз, продолжил:

– Ладно, каюсь. Краешек журнала виден с того места, где я стоял.

Бритва Оккама! Элементарно, Ди. Ну не читает же он твои мысли!

Блондин протянул руку для рукопожатия:

– Меня зовут Ланс.

– Диана, – ответила я, легко касаясь его пальцев.

Прикосновение отчего-то вызвало приступ нежности и ностальгии по... затруднившись понять, какой такой ностальгии, я спешно отдернула руку.

– Вот не соврать – сейчас почти поверила в то, о чем читала! Вы меня изрядно напугали своей блестящей догадкой.

Он снова улыбнулся... странная улыбка – по-детски чистая, но одновременно по-взрослому обезоруживающая. Я как раз задумалась, что значит это «по-взрослому», как Ланс сказал, бегло взглянув на журнал:

– Не просто увлечение, не так ли?

– УВЛЕЧЕНИЕ большими буквами. Откуда вы? Швеция? Дания?

Похоже, настала его очередь удивиться.

– Один-один. Мне казалось, я полностью избавился от акцента...

– Лингвистическое чутье, никакой мистики, честное слово.

– Чутье вас не подводит, я родился в Стокгольме и часть детства провел там... Но отец предпочитает часто менять место жительства... кстати, он урожденный датчанин, вы, можно сказать, угадали с обоими вариантами. Мы квиты.

Я было открыла рот, чтобы спросить его про единоборства, но сочла это уж совсем малопримлемым для первого разговора вопросом.

– Нашли в журнале что-то любопытное? – поинтересовался он как бы между прочим.

– Только одну статью. Отчет об экспедиции Элиаса Кристенсена.

Ланс ничего не ответил, но выражение его глаз изменилось. Из абстрактно дружелюбного и ироничного взгляд превратился в теплый, какой-то лучистый, и я почувствовала, что краснею, – ведь так не смотрят на случайных собеседников. Как если бы один из коллекционеров заблудился в стеллажах и обнаружил искомую «Теорию всего» на неподобающей полке.

Взъерошив ладонью льняные пряди порядком отросшей челки, блондин поднял глаза на настенные часы.

– Прости, Диана, мне пора.

Такой поворот событий не смог смягчить даже неожиданный переход на «ты».

– Приятно было познакомиться, – тихо ответила я, стараясь ничем не выдать своих эмоций.

– Взаимно. – Помолчав, он вдруг добавил быстро, с плохо скрытой грустью, – И я впервые, говоря это, действительно так думаю.

Двери читалки сомкнулись с тихим полускрипом-полустоном, но я продолжала сверлить их взглядом.

Может, все же вернется?..

Легкие шаги на лестнице стихли, на первом этаже гулко хлопнула входная дверь.

Брось, Диана. Ты же все равно не согласишься быть частью чьей-то обширной коллекции.

Однако, думать о том, чтобы вновь сосредоточиться на подготовке реферата, было по меньшей мере наивно. Тем более, один вопрос все еще продолжал занимать мои мысли, несмотря на то, что Ланс, кажется, уже на него ответил.

В сомнениях, я медленно поднялась с места и прошествовала к стойке библиотекаря. Сумасшедшая идея билась в виски.

– Еще что-то хотите взять? – приветливо поинтересовалась усталая женщина в очках с толстыми линзами.

– Нет, спасибо.

Я невежливо повернулась к ней спиной, торопясь проверить догадку.

Он стоял вот в этом месте, напротив часов.

Привстав на цыпочки, я уставилась на свой стол. Ну конечно! Взгляду предстала внушительная стопка энциклопедий: ничего кроме красно-коричневых корешков.

«Должно быть, у него просто отличное зрение, – размышляла я, нервно теребя выбившуюся из хвоста прядь, – бритва Оккама. Отличное зрение-рентген!»

Глава 2. Столкновение

– Диана... Ты слышишь?..

Оглянувшись, я обнаружила, что стою босиком на толстой ветке огромного дерева. Оно казалось очень высоким, словно внизу нет земли, ведь нижние ветви с зеленой листвой надежно скрывали ее.

– Знаешь, зачем мы здесь?

– Ланс? Ты вернулся?..

– Я вчера совершил ошибку. Пойдем со мной.

Он стоял у ствола, протягивая мне ладонь, я – на середине ветви, в гуще зелени. Его глаза светились той самой теплотой.

– Решайся, времени почти нет.

Листья вокруг меня вдруг стремительно начала желтеть. Опора затрещала. И толстая ветвь, на которой я находилась, молниеносно высохнув, начала осыпаться пылью.

Я кинулась к нему бегом, но в этот момент ветвь обломилась почти у основания. Я попыталась зацепиться за что-нибудь... вокруг был только воздух... и...

– Я тебя держу, – улыбнулся Ланс, схвативший меня за руку.

«Оставим чудеса для тех, кто ищет небеса для всех...» – всплыла в мое сознание песенная строка: на кухне тихонько играло радио. – «Оставим чудеса для тех, кто снится...»¹

– Диана, мы же договорились! – Мама сидела рядом с заготовленной чашкой растворимого кофе и бутербродами. – Опять забыла, что я просила не ложиться поздно? Ты обещала за медом сходить.

Идти нужно было в соседний дом. Мама подробно объяснила мне маршрут до жилища ее знакомого пасечника, по-видимому, продававшего свой уникальный мед исключительно ранним утром в воскресенье. Теперь можно было найти его даже с закрытыми глазами... не прозевай я все объяснения в самом буквальном смысле.

Со вчерашнего дня погода не изменилась. Ветер, в какой бы переулочек я ни сворачивала по дороге, почему-то неизбежно оставался встречным. Рой колючих снежинок впивался в лицо.

Да еще – как назло! – из головы не шел этот блондин с необычным для наших широт именем. Куда уж мне было запомнить адрес, после того как только что во сне я сорвалась с огромного дерева, и он едва успел меня подхватить...

Короткими перебежками от магазина к магазину, я все же сумела добраться до нужного дома. В парадном было немногим теплее, разве что без ветра. Собственно, парадное как таковое представляло собой длинную анфиладу арочных проемов с колоннами, по левую сторону располагались двери подъездов, правая же пестрила затейливой формы балкон-

¹ «Чудеса для всех» гр. Мои НЛО

чиками, террасами и многочисленными лесенками, спускающимися прямо во внутренний двор. Все это замысловатое буйство фантазии в целом напоминало залу старинного замка. Поговаривали, что когда несколько лет назад сей архитектурный шедевр был наконец сдан в эксплуатацию, создатель получил довольно крупную премию от городской администрации...

Недурно, однако, пасечники живут! Надо бы поднажать на биологию: в будущем займусь разведением пчел в надежде на приобретение подобной квартиры. Признаться, этот странный дом давно меня интересовал, все хотела побывать внутри и посмотреть планировку.

Вот, кажется, и нужный подъезд... я зашла в лифт. Следом вошла хрупкая миловидная женщина с объемным пакетом. Я нажала, как мне показалось, нужный этаж. Наконец двери лифта с натужным скрипом раскрылись и выпустили нас, но в этот момент ручки пакета оторвались, и спелые апельсины покатались по полу, подскакивая, как яркие теннисные мячи. Мы одновременно наклонились собрать их... и стукнулись лбами. Когда апельсины вновь оказались в пакете, и можно было наконец разойтись, мы обнаружили, что на сей раз намерены позвонить в одну и ту же дверь. Ситуация приобретала явный комический оттенок.

– А вы, наверное, тоже за медом?

– Нет, пчеловод Иван Петрович живет в другом крыле.

Я развернулась, чтобы уйти вглубь темного коридора в поисках загадочного «другого крыла», но женщина приветливо продолжила:

– В этом образчике свободного от всех канонов зодчества заблудиться немудрено. Я сейчас попрошу сына вас проводить.

Не припомню, чтобы часто слышала подобный цветистый слог в нашем городе от кого-либо, кроме, разве что, себя самой... «Образчик свободного от всех канонов зодчества» произвел столь сильное впечатление, что я сразу не нашлась, что ответить.

Дверь квартиры наконец распахнулась.

– Мама, ты вовремя! – произнес Ланс, забирая у женщины сумки. – Диана? Привет. Заходите, чайник как раз закипел.

Мы с попутчицей в изумлении уставились друг на друга.

– Ну вот, – произнесла она, пропуская меня вперед, – похоже, вы все-таки не ошиблись крылом.

Вернувшийся из кухни Ланс помог мне снять куртку.

– Два-один в твою пользу! – озорно прошептал он. – Все-таки ты пришла...

– Не пришла, а заблудилась... – запутанно начала я, не выпуская куртку из рук.

Он театрально откашлялся.

– Истина в том, что Судьба привела тебя на мой порог, дитя... – нараспев произнес Ланс, заглянув мне в глаза и драматически сдвинув брови.

– Есть идеи, зачем? – Я понятия не имела, как реагировать на его шутливое актерство, поэтому продолжала сохранять серьезный вид, хотя саму давно разбирал смех: судьба в лице моей безалаберности еще и не в такие места заведёт.

– Возложенная на тебя миссия – в том, чтобы... – на секунду мне показалось, что этот странный, но магнетически притягательный парень сейчас и впрямь изречет некое предсказание... Однако он прервал паузу, просто рассмеявшись, – ...выпить со мной чаю! Имей ввиду: отказ не принимается...

Под конец фразы Ланс не удержал требуемый для роли «нахмур бровей» и испортил весь «драматизм». С изрядным облегчением я позволила себе засмеяться вместе с ним: вот так разгадка сна, меня запоздало пригласили на чай!

Все вдруг стало само собой разумеющимся.

Попутно я получила шанс удовлетворить свое любопытство относительно планировки.

Квартира семьи Ланса была угловой. На первом уровне находились прихожая, гостиная, кухня и санузел, на втором, куда можно было попасть по резной деревянной лестнице прямо из коридора, располагались спальни и кабинет. Из гостиной мы вышли на балкон, который занимал оба уровня и был превращен в оранжерею. Тут и там с потолка свисали невообразимые вьюнки, так и пестрящие яркими цветами. На полу стояли кадки с кактусами-фикусами и прочей флорой, в которой я, к стыду своему, совершенно не разбиралась.

– Мама обожает экзотические растения, – пояснил Ланс, наверняка решивший ликвидировать мой позорный пробел в ботанике, ибо вполне удобоваримые предложения он то и дело пересыпал длинными латинскими названиями. – Вот эта лиана с крупными розовыми цветами, *campsis grandiflora* – из семейства бигнониевых, привезена отцом из Китая, а вот очень интересный экземпляр, листья, видишь, напоминают олени рога – это *platycerium bifurcatum*, эпифитный папоротник, его родина Австралия. Это растение с длинными зелеными листочками, *chrysalidocarpus lutescens* – с Мадагаскара. *Chrysalidocarpus* довольно капризен в плане микроклимата, вообще-то, и в комнатных условиях, говорят, не цветет. Как видишь, этот зацвел. Мама его не иначе как заклинала...

Интересно, кто же заклинал Ланса на запоминание всех этих монструозных латинских слов, поразивших даже мое дружественно настроенное к лингвистике воображение. Он произносил неудобоваримые названия с такой легкостью, словно рассуждал о тропических растениях каждый день, – без напряжения и снобизма. Похоже, Ланс действительно интересовался темой, ведь когда цель – только создать впечатление, глаза собеседника не блистают такой неподдельной увлеченностью предметом разговора. Я, наверное, не умру от скромности, но это был первый случай, когда сверстник играючи озадачил меня своими интеллектуальными способностями. Вспомнив унылые школьные будни, сходные по «окраске» с серым веществом разве что смеха ради, я тяжело вздохнула. Вот бы учиться с такими, как Ланс. Столько всего можно было бы узнать, и никто не стал бы дразнить меня ходячей энциклопедией...

– Я утомил тебя латынью, – засмеялся мой догадливый собеседник.

В этот момент приятный мужчина преклонных, как мне в мои шестнадцать неизбежно показалось, лет сорока пяти, заглянул в оранжерею и сообщил с лукавой ухмылкой:

– Ланс, сынок, самое время для экскурсии на кухню, если хотите застать чай еще теплым.

Акцент куда более заметен, чем у сына. Милое круглое лицо, светлые, вперемешку с седыми, пряди волос, прямой взгляд пронизательных глаз, закрытых маленькими очками с прямоугольными стеклами, серый джемпер, из-под которого выглядывает белый накрахмаленный воротничок, – весь его образ показался мне знакомым, как если бы я раньше уже встречалась с этим человеком.

Ланс охотно отвлекся от ботаники и произнес:

– Диана, познакомься с моим отцом.

– Элиас Кристенсен, – запросто, как будто в имени этом не было совершенно ничего особого, произнес мужчина, пожимая мою руку.

– Ведь и правда! – вырвалось у меня.

Теперь понятно, почему мне так знакомо его лицо.

В течение всего завтрака профессор Кристенсен травил забавные «экспедиционные» байки, Ланс же то и дело отпускал юморные комментарии относительно тех приключений,

в которых участвовал. Каждый раз в его изложении ситуации принимали совершенно иной оборот, чем у отца, и профессор начинал со смехом спорить, изобильно вставляя в речь шведские слова, которые Ланс переводил мне по ходу спора. Услышав перевод, отец морщился и отмечал, что «ах, недоглядел!», вследствие чего швед Ланс Кристенсен напрочь забыл шведский, зато болтает на русском языке, как вполне российский Иван.

– Помнится, поехали мы на конференцию в Амстердам, – начал профессор очередную историю, лукаво ухмыляясь. – Поселились там в шикарном отеле с до того простым названием, что я его тут же забыл. До конференц-зала нас машина довезла, обменялся я там с коллегами опытом, а назад Ланс захотел пройти пешком и без моего ведома отпустил водителя. Идем мы, значит, по этому прекрасному городу, благослови его господь, скупаем все сувениры и открытки подряд... и тут я понимаю, что совершенно не помню, как попасть в отель. Забыл название, а магнитную карту «предусмотрительно» оставил на ресепшне, чтоб не оставить случайно где-то еще! И дорогу запомнить не потрудился. Конфуз. А Ланс идет, газировку попивая, и фасады разглядывает.

– Я вспоминал старые мультфильмы, в которых дома изображены как бы нависающими над улочками, – увлеченно подхватил Ланс. – Это казалось просто образом... пока мы не попали в столицу Нидерландов. Дома там в самом прямом смысле на вид несколько кривоватые, как бы вогнутые, и нависают над улицами, так что в некоторых особо затейливых переулках, до того узких, что не каждый гражданин способен в них просочиться, вместо неба над головой – коньки крыш...

– Да-да, по дороге целую теорию развил, насчет особенностей голландского зодчества, хе-хе...

– И тут родной отец вдруг останавливается как вкопанный и начинает сыпать крепкими словечками. Я было решил, что его мои размышления так возмутили...

– ... а оказалось, что я сам себя возмутил – своей рассеянностью. Представляете, Диана, юный пройдоха выяснил, из-за чего я, как в России говорят, сыплю пепел на голову, и – аккуратно подвел к мысли, что раз уж мы все равно заблудились, то надо провести день с пользой – что, по его мнению, означает – посмотреть окрестности. Когда же я смирился с неизбежным, и мы обошли заинтересовавшие Ланса закоулки, негодник быстренько вывел нас на одну из центральных улиц, где невозмутимо указал на отель, вот уже несколько часов являвшийся целью моих бесплодных поисков, сообщив к тому же, что мы проходили мимо несколько раз, но я этого не заметил!

– Люблю твою рассеянность, пап, ведь, заметь ты отель сразу – не заметил бы остальной город.

– Как говорится, обстоятельства удачно стеклись, – с серьезным видом согласился профессор, и удивленно вздернул брови, когда от смеха я подавилась бутербродом. – Что?

– На глазах у изумленной аудитории у профессора из теоремы вытекло доказательство, – хмыкнул Ланс, цитируя радишутку. – Предлагаю бартер: разговорный шведский в обмен на русские идиомы.

Многочисленные журналы, печатавшие отчеты Кристенсена-старшего, никогда не упоминали фактов его биографии.

Шведский профессор женат на русской женщине родом из нашего городка?

Его единственный сын – одного со мной возраста?

По загадочным личным причинам они недавно переехали на родину его жены?..

Могла ли я когда-либо предполагать, что буду вот так запросто пить с ними чай в десяти минутах ходьбы от собственного дома?..

Мать Ланса, Ольга Михайловна, выглядела, в отличие от шутника профессора и очаровашки сына, тихой и молчаливой. Она не вступала в разговор, только периодически подливала чай и подкладывала в наши тарелки салат и тосты.

– Так вы, значит, интересуетесь аномальщиной? – вроде бы ненароком осведомился профессор.

Ольга Михайловна чуть нахмурилась и тронула его за руку:

– Илья, не пришло ли время дать детям пообщаться без нашего избыточного внимания?..

Элиас улыбнулся ей одними глазами и вновь повернулся ко мне. Он смотрел на меня внимательнее, чем хотел показать.

– Как вы догадались?

– Ланс рассказывал о вашей встрече в библиотеке. Я, кстати говоря, польщен интересом к моим исследованиям.

– Ты рассказывал обо мне? – я взглянула на Ланса с робкой улыбкой.

Но ведь наша встреча сегодня – чистая случайность. Разве, заинтересовавшись мной настолько, чтобы поделиться с родными, он не должен был взять телефон, или назначить встречу, или...

Ланс улыбнулся и вместо ответа откусил кусочек тоста.

– Сын часто о вас рассказывал, – неожиданно произнесла Ольга Михайловна, встречаясь со мной глазами.

– Ладно, ребята, нам еще столько всего нужно успеть... – проговорил профессор, торопливо вставая из-за стола и подавая жене руку. – Рады знакомству, Диана.

«Часто рассказывал?..»

Кажется, на сегодня слишком много впечатлений...

Сказать, что заинтригована – ничего не сказать.

Выхожу из подъезда и тут же поскальзываюсь. Снегопад усилился, гладко утоптаные дорожки успело замести, и обнаружить коварный лед под слоем снега можно, уже потеряв равновесие.

Ланс, с банкой меда в левой руке, свободной правой подхватывает меня – и вовремя.

– Готов испытать на прочность стекло и нервы? – Для верности держусь за него покрепче.

Он переводит взгляд с моего лица на добытую для мамы трехлитровую банку.

– Сейчас узнаем, что прочнее...

Всего лишь десять минут до моих дверей.

– Ты веришь, что все в жизни не случайно?

– Пожалуй. Кстати, зачем ты зашел в библиотеку?

Отводит глаза.

– Пришло время встретиться?..

Ммм?.. Мне остается одно из двух: либо сделать удивленное лицо, чего я не люблю, потому что выгляжу при этом довольно глупо, либо озадаченно почесать затылок, чему мешает шапка. Поэтому я выбираю третье – промолчать... и банка с медом кочует в мои руки.

– Вот так «время встретиться» превращается во «время прощаться»?..

Хотела же промолчать... эх...

Странно. Мне впервые не нравится идея провести вечер дома за компьютером. Поэтому жду, чтобы он сказал еще что-то. Чтобы он сказал что угодно. Например, что наши

нервы не так уж плохи, банка цела, и значит, можно еще погулять. Или, что время прощаться – на вокзале, а мы всего лишь у меня на пороге.

Беспомощно смотрю на банку в правой руке и считаю про себя: раз, два, три, четыре... скажи хоть что-то. Левая рука на ручке входной двери. Не слишком удобная диспозиция, чтобы ждать долго.

Вскидываю на него глаза, и только тут понимаю, что дождалась.

Улыбка Ланса определенно обладает свойством вызывать ответную.

Снимаю верхнюю одежду.

Вешалка. Подставка для обуви. Зеркало. Итак...

Насыщенного бирюзово-зеленого цвета глаза, длинные каштановые волосы, которые я обычно ношу убранными в хвост. Скулы изрядно выступают... прибавить к этому кожу без тени румянца а-ля оголодавший вампир, средний рост и хрупкое телосложение... внешность вполне привлекательная, но слишком холодная, ничегошеньки гламурного и нежно-женственного – то бишь, как раз того, что нравится парням, – во мне нет... Если меня и можно было бы назвать симпатичной, то только не рядом с безупречно красивым Лансом. Единственное, что делает нас похожими, это отрешенное, «неподростковое» выражение глаз...

Значит, «время встретиться», да? Прискорбно, конечно, но констатирую – дело не во внешности.

Что же она, все-таки, имела ввиду, говоря: «Сын часто о вас рассказывал»?..

Глава 3. Честные ответы

Выскочив из опостылевших застенок родимой школы, я жадно вдохнула густой влажный воздух. На улице потеплело: мороз спал, снег подтаял и как результат жители нашего города приобрели густой туман, а кое-кто – и изрядное количество синяков, потому как подтаявший снег сделал скрытый под ним лед еще менее способствующим непринужденной ходьбе.

– Эй, Стогова, не потеряй в тумане бесценные мозги! – крикнула вслед Хвостова. – Единственное ведь, хаха, достоинство!

Мне захотелось прибавить шаг, но я сдержалась. Если сейчас позволю себе растянуться на земле, то в который раз стану героем школьных анекдотов.

Сила трения на мокром льду отсутствовала напрочь, зато естественная гравитация и не думала никуда исчезать, поэтому перспектива неожиданной встречи с земной поверхностью меня смутила. Пришлось пойти осторожно и очень медленно. Если бы кто-то из дома напротив мог видеть меня сквозь плотную завесу нанизанных на невидимые воздушные нити капель, он бы решил, что я изрядно злоупотребила спиртным. Но сегодня хотелось гулять, несмотря ни на какие неудобства.

Сложные условия ходьбы помогли отвлечься от набивших оскомину мыслей об одноклассниках, а заодно перестать предаваться не в пример приятным воспоминаниям о Лансе.

С момента моей прогулки за медом прошло чуть меньше недели, и все это время я не переставала перебирать в памяти события воскресенья... тот хмурый зимний день казался мне замечательным, одним из лучших, что у меня когда-либо были, но вместе с тем, думая об этом, я ощущала все возрастающую тревогу, словно... что-то упустила из виду, что-то важное, что висело в воздухе. Словно не задала главный вопрос... Правда, таковой пока что возникал лишь один, и тот – к самой себе: что же за жизненно важный вопрос я забыла задать?..

Надо будет вспомнить об этом, когда снова его увижу.

В том, что мы увидимся, я почему-то не сомневалась. Но, едва подумала об этом, как желание увидеть Ланса прямо сейчас, не откладывая, захватило меня целиком. Ноги, задолго, видимо, предугадав настроение хозяйки, вкупе с дующим в спину ветром несли меня напрямик в направлении заветной многоэтажки... Нет, все-таки неудобно. Навязываться после того, как неким невероятным образом однажды уже угодила к нему домой... Я уверенно повернула обратно.

Поток воздуха, из попутного мгновенно превратившись во встречный, выбил из глаз скупую слезу. Желание увидеться только усилилось, и, чем дольше я пыталась противостоять порывам души и ветра, тем обильнее делались мои «скупые слезы». Наконец я развернулась вновь и бодро направилась к его дому, костеря себя, на чем свет стоит.

Мама бы сейчас неприминула сказать, что делать повторный «первый шаг» – отличный способ потерять внимание мужчины, даже если таковое – удивительно! – существовало. Но, с другой-то стороны, я никогда никому не навязывалась, однако очереди из жаждущих меня видеть парней за дверью до сих пор почему-то не стоит. Не пора ли изменить стандартной логике с неведомым авантюрным подходом?..

Увлечшись этим «философским» вопросом, я не уделила должного внимания особо скользкому участку дороги.

– Ай! – бессмысленно пытаться удержать равновесие, когда одна нога уже потеряла опору, а на вторую упала сумка с учебниками.

Однако в этот драматический момент кто-то подхватил меня под руки.

– Думаю, я просто обязан тебя проводить, – произнес Ланс, изящно вернув меня в вертикальное положение и поднимая сумку. – Куда идем?

Так или иначе, а желание все-таки сбылось. Тот, кого я так жаждала видеть, оказался тут как тут, собственной персоной, откинул с лица непослушную челку и дружески улыбается... Темное кашемировое пальто распахнуто, как будто на дворе стоит солнечный апрель, белый хлопковый джемпер и летние джинсы вкупе с туфлями на тонкой подошве вряд ли хоть сколько-нибудь согревают, но Ланс, кажется, не испытывает от нашей погоды ровным счетом никаких неудобств. А я в это же время скольжу и кутаюсь в шарф...

Уж не знаю, как эффектнее было бы уронить свою репутацию: заявившись второй раз к Лансу домой, или, как только что: уронив заодно с репутацией себя – в его заботливые руки...

– Вообще-то, у меня нет конкретной цели...

Честнее добавить: уже нет.

– Значит, надо придумать, потому что моя цель сводилась к тому, чтобы встретить тебя. И вот – своевременная «случайность», к моим услугам, – усмехнулся он, и мы пошли рядом.

– Своевременная случайность в квадрате, – не удержавшись, я продолжила, пробуя на вкус авантюрный подход, – как раз думала о тебе. А какие у нас варианты?

– Предпочитаешь плотный обед в ближайшем кафе, или бутерброд с кофе у меня дома? Расстояния примерно одинаковые.

– Расстояния – да, а сервис? – поинтересовалась я наигранно деловым тоном.

– В отличие от официантов, я приму твои жалобы к сведению, – парировал Ланс в том же духе, и мы свернули на аллею, ведущую к его дому.

Оба уровня квартиры пустовали.

Раньше подобный поворот дел неминуемо смутил бы мою неискушенную, и вследствие этого полную навязанных телеком опасений натуру.

– Мама с папой в Брюсселе, – обронил Ланс, доставая продукты из холодильника. – Вернутся к выходным.

– Как же ты один будешь на хозяйстве?..

– Да я привык.

Курица заранее разморожена, лежит на мойке. Зелень и чеснок шинкует с такой скоростью, как будто у шеф-повара ресторана стажировался.

Привык?.. Верю.

Почему-то вдруг подумалось, что, зная я эту семью подольше – не обратила бы на отсутствие родителей внимания, – постоянные разъезды, похоже, являлись характерной чертой Кристенсенов. Они вообще были «другие». Что конкретно это значит, я пока не разобралась, единственное, что бросалось в глаза с первой минуты общения, – другим в них было почти все. Широкий кругозор и невероятная образованность сочетались с простотой в общении, богатство каким-то чудом ужилося с легкостью в отношении к деньгам, а опыт – с изрядной долей доверия к окружающим. Семья эта, совершенно очевидно, полна сюрпризов, как рог – изобилия, причем сюрпризов почему-то сплошь приятных.

Но Ланс отличался даже от своих родителей. Порой, кажется, и они не смогли бы догадаться, о чем он думал и чего хотел. Кристенсены – словно ларец с секретиком, а секретик – это как раз Ланс и есть. Секретик, одновременно и ключ...

Я встряхнула головой.

Нет, мне, конечно, свойственно растекаться мыслью по древу, но чтобы настолько... это же надо – размышлять о человеке, которого вижу третий раз, словно знаю его не одну жизнь.

Вместо бутерброда мы решили зажарить предусмотрительно размороженную курицу. Пока я возилась с оформлением «цыпленка табака», Ланс сварил мне обещанный кофе, и, отхлебнув немного, я мигом оценила «сервис».

– Если ты обещаешь готовить такой кофе каждый раз, то я, пожалуй, стану постоянным посетителем.

– Тогда ты будешь моим VIP-клиентом. Первым и единственным.

Захотелось задать один невероятно бестактный вопрос насчет первых и тем более единственных. Раз уж я сегодня с самого начала веду себя «не по правилам»...

– Ланс ... ты не против сыграть в одну игру?

– Для VIP-клиента – все, что угодно, – улыбнулся он, продолжая раскручивать шутку.

– Самый быстрый способ узнать друг друга – игра «Честные ответы». У меня уйма провокационных вопросов.

Он все еще улыбался, но на миг мне показалось, что на лицо легла тень... сомнения? Впрочем, возможно, мне слишком многое кажется.

– Отлично, тогда по очереди. Право первого хода у тебя.

Тот же теплый взгляд... определенно, я слишком мнительная.

– Так. – Задумалась, с чего бы начать. – Твое любимое занятие? Хобби?

– Любое, в котором необходим творческий подход.

– Например?

– Рисование. Вокал. И конечно – о, ужас – учеба.

– Окей, твоя очередь.

Его взгляд мгновенно сделался внимательным и цепким.

– Твои идеалы? В чем главная ценность жизни для тебя?

Ничего себе, сразу тяжелая артиллерия.

– Ну... – я замаялась. – Основная ценность... это цельность, прости за каламбур. Жить единым порывом. Знать, куда иду. Видеть путь, и чувствовать, что он правильный, а значит, и единственный...

Я, кажется, поймала волну, потому что почувствовала, что могу продолжать отвечать еще более развернуто, но в этот момент Ланс кивнул – настала моя очередь спрашивать. И снова мне увиделось нечто странное в его глазах, когда я говорила. Понимание, на сей раз?

– Что ты ценишь в людях? Каких людей ты считаешь своими друзьями?

– Ценю отвагу, честность, умение быть верным. Умение отречься от многого ради главного. В частности, то, что ты сказала – цельность, верность выбранному пути. Я ответил?

– Нет. Про тех, кого ты называешь друзьями. Они именно такие?

Секунду, казалось, он размышлял, стоит ли отвечать.

– Твои друзья, что, не обладают этими качествами?

– У меня их нет.

Увидев удивление, крупными буквами написанное на моем лице, он продолжил:

– То есть, я хочу сказать, нет за пределами моей семьи. Но отец и мать – они как раз такие. – И продолжил, не давая мне придаться к ответу, – Теперь ты. Каков твой единственный путь? В чем он?

О да, зря я предложила эту игру. Ланс, как оказалось, умеет в два счета положить противника на обе лопатки. Ну что ж, сама поставила условие, что надо отвечать честно.

– Я... еще не знаю.

В свете того, как я буквально только что вдохновенно живописала свою приверженность единой цели, «не знаю» прозвучало невероятно глупо. Но этот ответ почему-то его удовлетворил. В глазах снова отразилось понимание, причем мне грешным делом почудилось, что он понял меня гораздо лучше, чем я сама себя понимала.

Ладно-ладно. Сейчас применю твою тактику продолжать первоначальную линию.

– Ланс... ты сказал, у тебя нет друзей... но как так получилось? Многие хотели бы дружить с тобой, это очевидно.

Он поморщился, словно от острой боли.

– У тебя нет другого вопроса?

– Нет, пока только этот.

– Хорошо. У меня нет друзей с того момента, когда я увидел, как ты говоришь, свой «единственный путь». Я пресекал всякие попытки завязать со мной дружбу или романтические отношения. Потому что не имею права брать на себя эту ответственность.

Желая показать, что с каверзным вопросом на сей раз все, мой ответственный противник взял с блюда изрядного размера куриную ногу и принялся как ни в чем не бывало ее уплетать.

Но почему нельзя взять на себя ответственность любить и дружить? Я прикинула, сколько девушек уже пострадало из-за его нарочитой отчужденности... Хотя контору открывай с вывеской «Бью сердца оптом, в промышленных масштабах». И внизу предупреждающая табличка с трансформаторной будки: «Не входить. Опасно».

В груди нехорошо екнуло. Интересно... а где, по его мнению, кончается знакомство и начинается дружба, любовь, и ответственность?.. Не перешла ли я, не удосужившись «прочитать таблички», тот самый Рубикон, и не окажется ли сердце бедняжки Дианы... кхе-м, масштабы-то промышленные, и это становится не смешно.

Ланс отложил то небольшое, что осталось от куриной ноги, и прервал эти невеселые думы:

– Моя очередь. Ты упоминала, что не знаешь еще своей цели. Но... скажи... когда ты бывала занята каким-то любимым делом, или общалась с кем-то, возможно, ты чувствовала, что это занятие или люди как-то связаны с твоей задачей?

Бинго! Прошелся почти по всем «болевым точкам».

– Бывало такое, ты прав.

– Когда и как?

О, вот теперь точно по всем.

Что ж, будь что будет, let «em all come. Лучше как можно раньше получить свое сердце назад по частям: вдруг они окажутся не очень мелкие, и я еще смогу его склеить?..

– Когда читала статьи твоего отца. Когда... когда встретила тебя. Особенно – после той странной фразы твоей мамы. И еще... словно что-то забыла и не могу вспомнить.

В его глазах читалась опасная смесь чувств: понимание, уверенность, радость, плюс боль, отчаяние, и беспомощность... Разве для семнадцатилетнего парня это в порядке вещей? И часто ли семнадцатилетние говорят об ответственности? Не за себя, но за кого-то, кто может от них эмоционально зависеть? Определенно, с Лансом что-то происходит, ведь не задумается мальчик из успешной и обеспеченной семьи о таких непростых вещах по собственному желанию?..

Вспомнилось несколько просмотренных недавно драм. Бедность, насилие, алкоголизм и наркомания... нет, не то. Смертельно болен?

Вряд ли больные люди могут быть так красивы.

– Если тебе станет от этого веселее, я чувствую то же самое рядом с тобой, – тихо и просто сказал Ланс, коснувшись моей руки. – Поэтому на тебя правила не распространяются...

Тут бы мне улыбнуться и смолчать, но я выпалила прежде, чем вдумалась в смысл:

– Неужели? А ответственность?

Он вздрогнул, как от пощечины.

– Давай посмотрим кино.

– Подожди, у меня еще вопрос.

– Хочешь, сварю кофе по другому рецепту?

– Ланс. Последний вопрос! Честно.

– Не надо. Ты уже выиграла.

– Но я хочу понять!..

Он вздохнул и устало откинулся на спинку дивана, закрыв глаза.

– Задавай.

– Почему ты не хочешь подпускать людей близко? Чего ты боишься?

– Не хочу причинять боль.

– Откуда ты знаешь, что сделаешь больно? В чем причина?

– Диана, уймись, умоляю, – засмеялся Ланс. – Пожалей подопытного.

Заинтриговал, а теперь наивно полагает, что сможет отделаться шуткой?..

Я подавила хитрую улыбочку.

– Хорошо, уймись, но в таком случае мне останется просто додумать ответ самой.

Что, если я решу, что ты – излишне совестливый маньяк-садист, который не хочет мучить любимых и близких, а согласен только на малознакомых? Или, может быть, в полнолуние ты обрастаешь шерстью и убегаешь на охоту? Нет... для оборотня слишком утонченная натура... ну тогда – вампир. Судя по кинематографу, вампиром нынче быть модно. Они, говорят, аристократы? Любят искусство, готику, декаданс, а в рамках декаданса – с надлежащими извинениями вонзить зубы в нежную девичью шейку...

– Диана... – взмолился Ланс под впечатлением от моих «гуманных» версий. – Пожалуйста, не заставляй говорить сейчас, иначе ты и вправду решишь, что я спятил.

– Значит, версия о маньяке ближе всего? – уточнила я, делая серьезный вид.

– Знаешь польскую группу Believe? – Поинтересовался он, нашарив какой-то предмет за спинкой дивана. – В альбоме Hope to see another day у них есть трек под названием Rain. Жаль, правда, у меня нет этого диска. Давай так. Я тебе кое-что из песни процитирую, и на сегодня закроем тему «Честных ответов».

С этими словами Ланс извлек из-за дивана гитару и принялся проверять строй. Мне ничего не оставалось, как согласно промолчать, поскольку, во-первых, было интересно наблюдать за его манипуляциями, а во-вторых, выбор, судя по всему, у меня не велик.

Перебрав струны и подкрутив колки, Ланс остался доволен результатом. Один аккорд, второй... и затем пальцы левой руки свободно заскользили по ладам, зажимая нужные ноты...

Что ж... неплохо играет...

I will tell you a story
About an empty hollow town...
Where the river of fire
Flows to the empty sky...
I'll tell you everything
In detail all I see

Every rape, every death
Lasts forever, so it seems...
Pain...
Can't sleep with all I have in mind...

...и очень хорошо поет... голос чистый, глубокий, какой-то завораживающий, и песня звучит так искреннее... подобные интонации бывают у людей, когда они говорят о давно наболевшем. В общем, интонации соответствуют характеру песни.

...Pain...
Can't sleep I'll tell you what I fear
The city burns it burns me out
As I fall from the empty sky...

И эта манера петь с закрытыми глазами, словно переживая все наяву... я попробовала последовать его примеру, и на секунду, мне показалось, вдруг увидела падающий с неба метеор... или нет? Горящий шаттл? Или?..

I will tell you a story
While you open the wine
River of blood flows
Drowning all alive...

...гроза, молнии, и ветер, словно бешеный пес, сорвавшийся с цепи, носится по улицам... Распахнутая в темноту дверь... Отблеск пожаров и сквозь вой бури – кажется, крики о помощи?..

И отчаяние, удушающее отчаяние, грозящее раздавить, словно свинцовой плитой...

Ничего себе, как я прониклась, даже образы наяву чудятся – подумала, и видение рассеялось. Я просто слушала его волшебный, полный искреннего чувства голос.

Pain...
Can't sleep with all I have in mind...
Let me tell you, what I need
A smile is all I need
Pain
Can't sleep you pour me another glass
A glass of wine to a stranger
You have no fear...
Welcome...²

² Композиция Pain группы Believe, альбом Hope to see another day. «Я расскажу тебе историю опустошенного города, где огненные реки достают до небес, расскажу о том, что видел насилие и смерть, длящиеся, кажется, вечно... Боль... от этих мыслей мне не уснуть... не уснуть, и я расскажу тебе о своем страхе: о том, как город, сгорая, сжигает и меня, падающего из пустого неба... пока ты открываешь вино, я расскажу о реках крови, в которых тонет жизнь... боль... с этими мыслями не уснуть, и я скажу тебе, в чем нуждаюсь, – всего лишь в улыбке... боль... никак не уснуть со всем тем, что есть в памяти, и ты снова наливаешь мне стакан вина, стакан вина для чужака... приветствуя его... тебе не страшно» (вольный перевод автора)

Глава 4. Вкус другой жизни

Что-то необратимо изменилось во мне, я чувствую, — чувствую, но никак не могу понять, что.

Мы ведь знакомы не больше месяца, и тем удивительнее кажется то ощущение родства и понимания, что связало нас с самого первого дня... Ланс наверняка всюду злоупотребляет силой своего природного обаяния... ибо притяжение непреодолимо.

Дело в том, что с ним и беседовать и молчать одинаково комфортно — мы не ощущаем неловкости, словно понимаем друг друга без слов...

Весь этот месяц я пыталась определиться, осознать, что-то проанализировать, как всегда, и раз за разом терпела неудачу.

Видеть его, быть с ним постоянно — это стало моим единственным желанием. Я перепробовала все варианты кофе, который Ланс умел варить, и все они оказались одинаково вкусными. Мы пересмотрели терабайты фильмов и переслушали гигабайты музыки, обошли все галереи и выставочные площадки в городе, и стали планировать выбраться в столицу в поисках чего-нибудь новенького. Ланс объяснял мне самые сложные школьные задания, в его подаче начинавшие казаться проще простых, и рассказывал о разных немыслимых вещах. Он был единственным, кто не фыркал «у тебя компьютер вместо головы!», если я в ответ предлагала обсудить прочитанную на днях статью на тему космологии. Рядом с ним, единственным, пожалуй, мне всегда было уютно. Все, что бы мы ни делали вместе, будь то шутивная битва на подушках или упрощение «многоэтажной» дроби, не покорившейся мне на уроке, — все казалось единственно правильным. Те неизбежные моменты школьной жизни, которые еще недавно отравляли мое существование, начали выглядеть несущественными теперь, стоило лишь подумать: пройдет несколько часов, и тогда я выйду из школы и возьму за руку своего лучшего друга.

— ... Диана!

Я не слышала звонка телефона, и мама, появившаяся на пороге комнаты с трубкой в руке, сумела вытащить меня из очередной тупиковой цепочки размышлений не с первой попытки.

— ... говорю, тебя спрашивает на удивление воспитанный молодой человек, — многозначительно глянув на меня, повторила она и подала трубку.

— Привет, Ди. Звоню узнать, занята ли ты сегодня.

— Чем, например?

— Чем-то особенным.

Судорожное биение мысли наконец дало неожиданные результаты — сегодня же тридцать первое! Новогодняя ночь!

— Совершенно свободна, то есть никому до сих пор не понадобилась, — пожаловалась я, чувствуя, что там, по ту сторону провода, он улыбнулся ответу.

— Вежливее было бы сказать, что сожалею, — усмехнулся Ланс, — а честнее, — что рад, ведь ты понадобилась мне, но я был уверен, что у тебя планы. Наивно надеяться на иное, вспомнив про Новогоднюю ночь только накануне.

В трубке слышались посторонние звуки, подозрительно напоминающие не то кашель, не то сдавленный смешок.

— Мам, пап? Если вы заметили, телефон занят.

– Вежливее было бы сказать, что не заметили, – не без ехидцы вставил отец с параллельного аппарата, – а честнее, молодой человек, что у вас с Дианой много общего. Если бы вы не напомнили ей про праздник, она бы, пожалуй, не сразу сообразила, по случаю чего на улице салютуют. И кстати, мы не станем возражать, если вы придете познакомиться.

Мама заглянула в комнату, как только я окончила разговор.

– Он ведь придет? – деловито осведомилась она.

Я сделала «страшные глаза», за что тут же схлопотала обиженный взгляд.

– Да, – произнесла мама тоном, вполне соответствующим взгляду, – да, я тебя учила, что подслушивать нехорошо. Но ты же сама никогда ничего не расскажешь!

В нашей семье звонящий мне молодой человек и впрямь приравнивался как минимум к краснокнижному виду, а то и вовсе считался аномальным явлением.

Я улыбнулась.

– Буду знать, как объяснять не вполне красивые поступки...

Обида в мамином взгляде сменилась явно преувеличенной укоризной.

– Разве моя любимая дочь не твердила в ответ на увещевание найти себе компанию, что ей скучно со сверстниками? А тут – начинает вдруг пропадать после школы неизвестно где, затемно возвращается с таким загадочным и довольным видом, будто кто-то весь день кормил ее мороженым и читал вслух «Науку и Жизнь». Я, было, подумала, что ты записалась в какой-то технический кружок и вы там не меньше, чем самолет, собираете. И вот, – на тебе! – оказывается, все куда проще – у Дианы появился мальчик...

– Мама!

– А что?.. Скажи, он симпатичный? Чем вы занимались весь этот месяц, если не сборкой аэроплана?

– Читали вслух «Науку и Жизнь».

– Бессовестная! – шутливо возвала к моему чувству справедливости мама. – Это ж надо – скрывать от родителей такую радостную весть: наша дочь из вундеркинда-затворницы превращается в нормального живого человека! Отец! Твоя бессовестная дочь утаивает от тебя, что влюбилась!

– Я не влюбилась!

– Бог услышал твои молитвы, Лёля, – присоединился к ней папа. – И наша Дианка – все-таки не законченное, не побоюсь этого слова, «индиго». Что же за герой сумел растопить ее сердце? Небось академик, как минимум. С седой, аки снег, головушкой, в которой содержится уйма ценных сведений. Ну, или пришелец из далеких миров. На меньшее ведь дочура Интернет не променяет, а?..

Вот и делись с ними событиями личной жизни – обсмеют же родную дочь со всех сторон.

Мне и впрямь было неуютно с мальчишками-девчонками во дворе, в садике, в школе, наверное, поэтому я так много времени проводила за книжками и в сети, и пропадала на образовательных сайтах или ресурсах, посвященных аномальным явлениям. Те немногие сверстники, кто «проводил разведку боем», то бишь раз в полгода заходил в гости, – рассказали остальным о моих заскоках... так и возникла заработанная «честным трудом» репутация. Мне всегда были интересны языки, культуры разных народов, техника и аномальщина, и в этих областях я была весьма компетентна. Чего не скажешь о моде, косметике, диско-барах... Кому захочется общаться с занудой, демонстрирующей недавно выученные фразы на польском, или прохлопавшей ушами, пока подружка рассказывает о своем бойфренде, потому что «зануда» в этот самый момент куда больше увлечена сборкой свежкуп-

ленной модели истребителя времен второй мировой?.. Все-таки не удивительно, что у меня не было друзей. Но ведь с Лансом все не так.

Эта мысль вдруг меня испугала. Страх маячил тенью в подвале подсознания, и я никак не могла выудить его на тусклый свет разума. Ну, разве что это все еще давала о себе знать некогда сыгранная нами партия в Честные ответы, оказавшиеся, пожалуй, даже излишне честными...

Но, в конце-концов, моралистика и чрезмерная рефлексия – тоже признак занудства. Ничто ведь не свидетельствует о том, что моему сердцу так суждено разбиться. Почему бы в самом деле не поделиться новостью с семьей?..

– Так он придет?.. – уточнил отец, протискиваясь в мою комнату вслед за мамой.

– Придет. Ладно. Во избежание новых оригинальных догадок... я пожалуй расскажу вам эту историю заранее...

Пора было заканчивать, ведь до наступления Нового Года оставалось всего ничего. Однако мой рассказ имел существенный резонанс, и донести сию важную мысль до родителей удалось не сразу.

От повторения истории в третий раз меня спас короткий звонок в дверь.

– Сидите, дамы, я сам открою! – Торжественно объявил отец, которому не терпелось лично убедиться, что «растопивший сердце его занудной дочери герой» – действительно просто парень, а не форма жизни внеземного происхождения.

– Здравствуйте, Станислав Павлович, – поприветствовал папу Ланс, загодя удосужившийся, к нашему общему спокойствию, выяснить имена моих родителей. – С наступающим вас.

В прихожей зашуршали пакеты.

– Право, юноша, не стоило тратиться... – начал отец смущенно, а продолжил уже с нотками паники в голосе, – ... «Вдова Клико»?! Вы решили разорить вашу семейную коллекцию?!

– А мы и «коллекционируем», чтоб однажды разорить, – засмеялся Ланс. – Скажите, Диана дома?

– Диана дома, – вздохнула я, выходя в прихожую и виновато опуская глаза. – Только все еще в джинсах и без прически.

– И при этом лучше всех. Идем?

– Да. Через минутку, – и я нырнула назад в комнату.

Отец извинился и отправился вслед за мной.

– Так вот, дочь, что я тебе скажу, – начал он издали, пока я судорожно рылась в недрах платяного шкафа. – Сними эту армейскую кофту землисто-болотного цвета, ты в ней какая-то мышастая. Надень голубое бархатное платье. Да, кстати. Сынок профессора Кристенсена и впрямь милый парень. Я вашу дружбу одобряю.

Два оставшихся часа уходящего года оказались наполнены шумом и весельем. Подобное времяпрепровождение было для меня все еще внове, и я радостно проживала каждую минуту. Никогда раньше не видела свой город таким. Впрочем, я вообще никогда не видела предновогодний город. Во всем городском облике чувствовалось предвкушение праздника.

Нас встретил лучистый мир гирлянд, дорожных огней, ярких кафе и магазинов, мягкого снега под ногами... На встречу спешили люди с радостными улыбками, смеющиеся, веселые... оказывается, в этом городе живет столько красивых и счастливых людей!

Ланс дышал полной грудью, чувствовал каждый миг, каждую прожитую секунду он как гурман смаковал... Рядом с ним и я вдруг стала воспринимать все оттенки, я почувствовала движение, – город жил, город дышал вместе с нами, а мы – вместе с ним, в унисон... впервые эти люди вокруг, все они не просто так улыбались – все они, проходя, пробегая, проезжая мимо, улыбались именно нам, и вместе с нами они видели, слышали, ощущали Праздник.

Так вот, значит, на что он похож – пресловутый вкус Жизни... Это и робкий первый поцелуй семиклассников на соседней лавочке, и глоток горячего чая после зимней дороги, и даже... даже самый настоящий вкус снежка, которым лучший друг нечаянно залепил прямо в зубы!

Я позволила себе не очень грациозно грохнуться в сугроб и расхохоталась, впервые за долгое время не подумав, как на меня посмотрят прохожие.

Хотя к данному моменту мы с Лансом уже обежали четыре этажа развлекательного центра, перепробовали все предложенные развлечения подряд и выиграли три новогодних конкурса, завязавшаяся игра в снежки, в которую нас спонтанно втянула детвора во дворе, все равно показалась отличной идеей. И вот: детишки давно разбежались по домам, а мы продолжали обкидывать друг друга снегом и смеяться, словно вернулись в казалось бы забытое детство.

Снег скрипел на зубах, я судорожно глотала его и от этой нелепости делалось еще забавней. Только подумать, как может быть прекрасно поваляться в сугробе в новогоднюю ночь... Ланс подал мне руку, но не тут-то было: разве я могла не поделиться всей полнотой ощущений?.. Небольшая подножка – и недавний победитель снежной потасовки растянулся рядом.

Небо ломилось от звезд. Яркие ледяные иглы лучей пронизывали чистый воздух и таяли легкой тоской в сердце. Почему? Почему?

– Наверное, заставляют вспомнить о чем-то... большем, – шепнул Ланс, смахивая снежинки с моей челки.

В это время подло просочившийся за воротник снежок начал таять.

– Не заметила, как сказала вслух!

– Ну, ты громче, чем вслух, сказала.

Я не стала спрашивать, что он имел в виду.

– Слушай, я тут подумал...

– О чем?

– Если не поторопимся, то встретим новый год в этом сугробе.

– Так чего же мы разлеглись?!

Бокалы в очередной раз звонко дзинькнули друг о друга. Запасы «Вдовы Клико» из семейной коллекции Кристенсенов сегодня разорвались с большим удовольствием.

– За жажду жизни!

– За жажду жизни! – Я сделала несколько глотков, и лишь потом сообразила, что тост этот навевает ряд вопросов. – Хм. Только обычно пьют-то за желаемое, то бишь за то, чего не хватает. А в тебе жизнелюбия хоть отбавляй.

Ланс смущенно улыбнулся:

– Все дело в моем детстве. На торжественных новогодних приемах, которые семьи известных ученых ежегодно обязаны посещать, все было настолько чинно и тоскливо, что

мне всегда хотелось хоть раз открыть бутылку так, чтобы содержимое смыло скуку с лиц присутствующих.

Я посмотрела на него в притворном ужасе:

– Как можно, Ланс! Это все равно, что плескать водой в лицо оппонента на заседании Думы.

– За что я люблю Россию, так это за то, что здесь такое вопиющее в принципе событие – легко имеет место и не вызывает ни у кого негативных эмоций...

Мы прыснули со смеху.

– А что, эти банкеты правда настолько скучны? Ни тостов, ни застольных песен, ни пьяных споров о том, чья теория вернее?

– Правда. В Европе на таких мероприятиях принято говорить о деле – собственно, для того их и устраивают. Отец даже лимон на закуску не брал, шутил, что кислых мин и без него предостаточно.

– Неужели светила науки не любят веселиться?

– Представь: собираются лучшие научные умы. У них, казалось бы, есть все, что только можно желать: звания, деньги и фантастический интеллект... но в довершение – полное отсутствие жажды жизни. Статьи об их разработках печатаются во всемирно известных журналах, опубликованные труды признаются и ценятся всем научным сообществом... многие параллельно ведут совместный весьма успешный бизнес. Но ни слава, ни материальные блага, ни даже собственно смысл их жизни – наука, – не заставляют почему-то блестеть глаза большинства из этих людей. За пару месяцев до праздника они созваниваются и планируют вечер вплоть до мелочей, в какой стране и в каких условиях, кто будет приглашен, с кем какие вопросы необходимо обсудить. И каждый год я напрасно надеялся, что горнолыжный курорт означает катание на лыжах, а в Египте мы обязательно посмотрим на Сфинкса.

– А что, не удавалось?

То, о чем он говорил, было для меня, словно другая планета: притягательно, странно, и совершенно недоступно. Я до сих пор полагала, что на горнолыжный курорт ездят кататься, не могла представить себе, каково неделями и месяцами не видеть пропадавшего в разездах родного отца, и приходила в ужас при мысли, что в моменты редких семейных встреч маленькому мальчику необходимо было вести себя, как воспитанному взрослому, на таких вот пафосных приемах. Раньше мне казалось, что деньги и слава скорее дают свободу, чем ограничивают ее...

– Ну, на третий день праздников приняты экспресс-экскурсии, но это просто издевательство, честное слово. За день приходится объездить все достопримечательности разом, причем зачастую выйти из машины и сделать приличный снимок на память ты просто не успеваешь: график штука жесткая. Погодные условия также часто не способствуют получению удовольствия от прогулки: то палящий зной, то проливной дождь... а перенести ее никто не в силах: выкроенный день заранее проплачен, начиная услугами гида, заканчивая транспортом. Проку от таких развлечений не много... Но в прошлом году на Кипре мы впервые тайком сбежали с отцом и его другом и коллегой Тимоти Ричардсом с торжества, чтобы побродить по окрестностям. Было действительно весело, как всегда бывает, когда освобождаешься от осточертевших рамок... но вскоре нашу честную компанию хватились – несколько деловых партнеров, срочно желавших побеседовать с папой и Тимоти, не досчитались их на банкете и поручили администратору отеля, где проходил прием, их разыскать. Администратор исправно названивал на мобильные, в то время как наша компания была столь увлечена ночным купанием в море, что звонков, увы, никто не слышал. Соль в том, что именно на таких вот праздничных мероприятиях заводятся и поддерживаются нужные

знакомства, планируются и заключаются договора, поэтому этот «побег» сообщество сочло просто вопиющим нарушением этикета. Под утро администратору – дал же Бог терпения! – все-таки удалось дозвониться и воззвать к отцовской и Тима совести, после чего все мы, как были – в мокрой одежде и с водорослями в волосах, – спешно отправились в отель. В общем... думаю, не стоит подробно описывать, с каким непередаваемым выражением смотрели на «любителей морской стихии» заждавшиеся партнеры... – закончил свой рассказ Ланс, видя, что я уже сложилась пополам от смеха, попытавшись представить себе всегда такого аккуратного Элиаса шествующим на прием с ярко-зелеными водорослями в волосах.

– А в этом году ты, значит, решил не ехать? Не жалеешь об упущенном?.. – лукаво осведомилась я, явственно ощутив, что бессовестно набиваюсь на нечто вроде комплимента.

Он улыбнулся:

– Во-первых, ты рядом, и это определенно лучше банкета.

Ну вот. Можно смело себя поздравить: набилась-таки.

– А во-вторых?

– Во-вторых, родители хотя и улетели сегодня утром в Стокгольм, где изначально планировался ежегодный слет, но днем отец позвонил и сообщил, что событие решено перенести на пару месяцев и совместить с конференцией на тему инноваций в производстве какого-то оборудования для космических исследований, так что скоро они возвращаются. Кстати о жажде жизни. Хочешь потанцевать?

Мы переводили дух после рок-н-ролла.

Черт, я ведь давно вот так не танцевала. Если говорить откровенно, последний раз я танцевала с парнем больше десяти лет назад, и случилось то знаменательное событие в детском саду! А мой тогдашний партнер был (не в пример сегодняшнему), как пить дать, очень дружен с медведем. Тем самым, что наступает, зараза, хорошим детишкам на уши и обучает на личном примере грации и хореографии... господи, кажется, шампанское было очень «пьяным». Ни в коем случае нельзя выболтать Лансу всю эту чушь про свое «безрадостное» детство... тем более, что в сравнении с его приключениями на Кипре история об отдавленных в детском саду во время польки ногах прозвучала бы донельзя убого.

– Знаешь, странно, что партнеры твоего отца вас не поняли... я сейчас пыталась переварить твой рассказ.

– Брось попытки, – подмигнул мне Ланс, – такие истории могут вызвать несварение.

– Особенно у того, кто и в помине не знаком с описанным образом жизни...

– Но вероятнее – у тех, для кого этот образ жизни перешел в хроническую форму.

Мы продолжали держаться за руки, хотя танцевать больше не было сил. Только что откупоренная вторая бутылка была разлита по бокалам, но первая уже дала о себе знать. Для старшеклассников, практически не знакомых с действием алкоголя, мы, кажется, и впрямь перебрали.

Возможно, по-настоящему оценить жизнь сумеет лишь тот, кто хоть раз боялся ее потерять, – продолжила я мысль, закусывая выпитое очередной шоколадной конфеткой. – А эти люди полагают, что уже обеспечили свое бессмертие.

Пальцы Ланса судорожно сжали мою ладонь.

– Повтори?

– Что именно, – удивилась я, не посчитав высказанную идею чем-то глубоким.

– То, что ты только что говорила.

– Ну... – я смутилась. – Просто эти люди ведь совершили уйму важных вещей. Их имена и так останутся в веках. Они уже знамениты, уже богаты. Они спрячутся от перспек-

тивы забвения за своими достижениями, и будут продолжать жить – хотя бы и в страницах пыльных фолиантов, и все же... Но те, кому приходилось когда-либо видеть смерть вблизи и хорошенько ее рассмотреть, знают, что от нее так просто не спрятаться... и потому умеют ценить каждый новый день своей жизни. Разве я сказала что-то особенное?

...но те, кому приходилось когда-либо видеть смерть, знают, что от нее так просто не спрятаться... – задумчиво повторил Ланс, глядя куда-то в сторону. В его исполнении моя незамысловатая фраза прозвучала жутко. – Пойдем, Ди, хочу тебе кое-что показать.

Я внимательно вгляделась в его лицо, стараясь угадать, что с ним такое. Ланс резко посерьезнел. От подогретой алкоголем беспечной веселости не осталось и следа.

– Что именно?

– Помнишь, отец как-то говорил, что Тунгусский метеорит интересовал его больше всего, и, в общем-то, именно эта загадка сподвигла его заняться частными исследованиями?

– Да. Еще он рассказывал про поваленный лес в районе катастрофы, и про то, что многие ученые убеждены, будто элементы из хвоста кометы вполне могли вызвать подобное.

– Знаменитая кометная теория довольно складно все объяснила. Водород и углерод при реакции с кислородом вспыхивают, так происходит взрыв... Кометная теория оправдывала и отсутствие вещества на месте катастрофы, и оптические аномалии в небе на следующий день.

– Похоже, убедительная для других теория не убеждает тебя.

– Кометная теория ошибочна, – произнес Ланс с несвойственной ему фанатичностью, отворив дверь самой дальней комнаты второго яруса, в которой мне прежде не доводилось бывать.

Глава 5. Память

Сама по себе комната была небольшой, и мебель в ней стояла только самая необходимая – письменный стол, шкаф с книгами и два кресла. На столе я заметила очень мощный ноутбук от sonu vaio, самую последнюю модель, точно такую же, как в комнате Ланса... но стены! Эти стенды и полки могли бы действительно принадлежать залу музея весьма нетипичной специфики. Все экспонаты логично было бы объединить под вывеской Доказательства Существования Внеземных Культур. Самые разнообразные предметы, назначение коих я побоялась себе представить, были расставлены на полках и подсвечены так, чтобы посетитель мог рассмотреть их во всех подробностях. Ряды полок перемежались стендами с фото, рисунками, набросками и чертежами.

Над рабочим столом, чуть выше уровня глаз, я заметила картину. Изображение чем-то напоминало карту местности – в центре – суша, утопающая в лесах и украшенная бисерными нитками рек и ручьев, а пространство по краям разделено на четыре части, по-видимому, ориентированные по сторонам света, и окрашенные в 4 разных цвета...

– Какая странная картина... – судорожно выдохнула я.

– «Незнакомые странные земли мне снятся нередко³», – процитировал Ланс в ответ строчку из радиохита.

– Именно так... Постой! Ты – автор?!

Ланс молча кивнул, тут только я заметила, что он вглядывается в мое лицо слишком пристально... будто ждет от меня чего-то.

– Вот иди-ка сюда. Сейчас ты своими глазами увидишь упомянутый в последнем отчете артефакт. К стене, возле того места, где он стоял, был прикреплен предмет, очень напоминавший... люк космического корабля! Он был искорежен и измят, поверхность выщерблена и покрыта слоем не то смешанной с чем-то жирным пыли, не то машинной смазки... или еще какого-то неизвестного мне вещества. Я провела рукой по металлу, и вещество тонким слоем осело у меня на пальцах. А ведь когда-то эта поверхность была безупречно гладкой...

Я смотрю вниз сквозь иллюминатор. Мы проносимся над равниной, тут и там разбросаны крошечные людские жилища. Они кажутся спичечными головками с такой высоты, но я-то отлично знаю, что расстояние быстро сокращается... Внизу, чуть дальше и правее я вижу море, оно простирается на много километров... и, судя по всему, очень глубокое. Это наша последняя цель. Я не собираюсь следовать его приказу. Он не понимает, что говорит. Отвезти их, оставив его уводить неисправный корабль в ручном режиме... Но не могу и не подчиниться. И все-таки... Я успею. Я вытащу его. Я успею...

– Я не могу оставить тебя здесь погибнуть!.. Прошу, отмени приказ! – прошептала, чувствуя, как горячие слезы бегут по моим щекам... – ...отчего же так больно внутри, так тяжело вздохнуть... больно дышать... – вдруг я все-таки не успею?.. Без тебя... мы не справимся... и я даже не поговорю с тобой перед тем, как...

Ланс осторожно развернул меня к себе и коснулся ладонью мокрой от слез щеки. Я не могла удержаться. Сильная боль, возникшая внутри ниоткуда, и тупое отчаяние выплескивались слезами, снаружи был только холод.

– Как холодно... холодно...

³ Композиция «Сфинксы» гр. «Пилот»

Чувствуя, что его теплые руки отрывают меня от пола и через пару секунд опускают в кресло, я попыталась прийти в себя. Трудно было сфокусировать взгляд. В голове звенело так, будто кто-то бил там посуду.

– Малышка, посмотри на меня, пожалуйста.

Взгляд никак не хотел фокусироваться. От холода безумно хотелось спать.

– Ди! Не вздумай даже!

Куда там... Свет собрался в одну точку, такую маленькую, что я ее еле видела. Его голос, теперь едва слышный, – вот все, за что еще цеплялось сознание... мне было почти все равно, что со мной происходит.

– Эй, Ди, помнишь, все давно кончилось!.. Вернись ко мне. Просыпайся!

– Я же и так к тебе ближе некуда на этом берегу... зачем только я тебя послушала... твой последний приказ отбил всякую охоту подчиняться твоим приказам. Только теперь не от кого их получить...

Да уж... Огонь, вода, воздух и земля – вот где он! Пожалуй, точнее-то и не сказать...

– Вернись ко мне, Альта, это не обсуждается.

– Куда? Ты же только галлюцинация... ты погиб на моих глазах... Взрыв, ядерный гриб и прах развеяло на мили вокруг! Куда мне прийти преклонить голову? Где мне искать это место?.. Не успела...

– ...как же тебя разбудить?.. – в его тихом, обманчиво спокойном голосе сквозило глухое отчаяние. – Разве что как в сказке – поцелуем.

О да! Ведь это будет означать, что мы на одном свете... не важно, каком именно.

– Коварная галлюцинация... ну целуй!

Резко вернувшийся вес тела вдавил меня в кресло. Я широко распахнула глаза и судорожно вдохнула:

– Ну и где обещанная сказка?!

Расплывчатая картинка стала делаться четче, и я успела заметить, как испуг и отчаянье тают в его глазах.

– Как себя чувствуешь?

Я пошевелилась. Все тело ныло.

– Ну... несколько ошарашена. Но в общем – не против.

Он прижал меня к себе и прошептал в ухо:

– Никогда так больше не делай, слышишь?!

– Что я сделала?

– Слишком эмоционально насыщенное воспоминание... получилась... пространственно-временная петля.

– Я ничего не понимаю... какая к черту петля? Слушай, так и должно тошнить?

– Да... это еще что! У тебя мышцы не ноют?

– Ноют!

– Ничего, жить будешь! Это я виноват. Не надо было так резко...

– Так резко – что?

– Заставлять тебя вспоминать.

Он отстранился и встал.

– Пойду чайник поставлю.

Наблюдая, как его высокая складная фигура исчезает в коридоре, я почувствовала, что меня, мягко говоря... надули!

– Ланс!

– А?

– Сказка кончилась, не начавшись?..

Он вернулся через минуту с огромной дымящейся чашкой. Пахло шалфеем, малиной, и еще какой-то неизвестной мне лекарственной травкой.

– Выпей это.

Я сделала глоток. Чай был вкусным, насыщенным, чуть терпким, его хотелось пить и пить... Осушив чашку, я поставила ее на столик рядом.

– А вот теперь поспи.

Без видимых усилий, Ланс взял меня на руки второй раз за эту безумную ночь... или уже утро? Кровать показалась холодной и жесткой, я было собралась сказать, что с большим удовольствием посплю у него на плече, но вовремя одернула себя.

Остаться одной совершенно не хотелось.

– Постой... ты ведь не уйдешь?

– Нет. Обещаю. Спи.

Потяжелевшие веки сомкнулись сами собой... видимо, у меня с тех давних пор еще привычка делать все, что он говорит.

– Спи... – повторил Ланс, целуя меня в лоб.

Глава 6. Пробуждение

Когда я открыла глаза, серый рассвет уже успел превратиться в сумерки.

Ланс сидел рядом и смотрел в окно.

– Как ты? – спросил он, не поворачиваясь.

Два-два... Я в который раз задалась вопросом, как это он умудряется видеть журналы сквозь энциклопедии и замечает движение моих ресниц, разглядывая пейзаж.

– Мне бы очень хотелось сказать, что не ахти, но, кажется, это не соответствует истине.

– Тебе на мобильный мама звонила.

– Что же ты ей сказал?

– Успокоил. Правда, пришлось немного приврать.

Мы помолчали.

– Раз уж мне лучше, может, объяснишь, что все-таки произошло?

Его тон был абсолютно серьезным:

– Кратко... мы с тобой вроде как воплощенцы представителей одной внеземной расы. Так называемый Тунгусский метеорит был нашим кораблем. Миссия, с которой мы летели на Землю, осталась не выполнена, потому что во время аварийной посадки... я погиб. Я воплощение капитана корабля Элана, того самого, кого ты, Альта, спец по машинам и мой партнер во всех сомнительных и опасных затеях, оплакивала на берегу Байкала. Дотронувшись до люка, оставшегося от нашего корабля, ты вроде как замкнула цепочку и начала возвращать себе Память, а это не всегда легко проходит. Мне нужно было как-то тебя подготовить... только не знаю, как.

Я смотрела на него не мигая.

– Тривиальная история, не находишь? Мы снимаемся в дурацком голливудском блокбастере?!

– Говорил же, ты решишь, что я спятил.

– Но Ланс, разве такое может случиться в реальной жизни?.. История про совестливого садиста-маньяка и то правдоподобней! Я что, должна поверить, что прилетела с другой планеты? Или ты хочешь сказать, что именно поэтому я отличаюсь от сверстников, именно это объясняет мое увлечение НЛО, техникой, и мои способности к языкам?! Что наша встреча не случайна только потому, что когда-то мы летели на каком-то корабле с какой-то миссией, которую теперь должны довести до конца?! И все то время, что мы провели вместе, общаясь, – это прелюдия? А ты просто ждал, пока я вспомню, кто я?!

Мой голос сорвался на крик, но я не замечала этого. Противоречивые мысли и желания толклись в голове. С одной стороны, самое лучшее сейчас было встать и уйти, и забыть про всю эту историю, про обморок, про пришельцев с другой планеты, про Тунгусский метеорит, про... про Ланса – забыть?! Но ведь я прекрасно понимаю, что как раз это мне вряд ли удастся. Я не могу его потерять. Ни за что!

– Не прелюдия, Ди. Мы всегда были такими – неразлучными, увлеченными и иной раз почти такими же дурашливыми, как сейчас.

Кроме того, разве сама я не отшучивалась, что чужда мирскому, так как моя родина в далеком космосе? Разве не поражались преподаватели моим способностям, логике, изрядному для шестнадцати лет словарному запасу и весьма недетскому образу мышления, разве

не верно, что я обожаю технику?.. что в раннем детстве просто села за компьютер и стала использовать его, как если бы меня этому обучили?.. что научилась водить машину прежде, чем стала доставать до педалей? Ведь до знакомства с Лансом смутное чувство неполноты жизни тенью преследовало меня, заставляя каждый день искать... что именно? Если бы знать...

А потом появился он, и вместе с ним появилась уверенность, и все наполнилось смыслом, он заполнил мои дни и мои мысли и он стал всем... как будто взял меня за руку и повел по мосту туда, куда сама я не видела, не знала дороги, но куда так стремилась... он вывел меня на тот самый, единственно верный путь. Словно разбудил от выматывающего сна-реальности...

Вдруг само собой вспомнилось необычное сновидение, в ночь после нашего знакомства, в котором Ланс просил пойти с ним куда-то. И слова его матери о том, что он много обо мне рассказывал, фактически не будучи со мной знаком. И это чувство, возникшее при первом рукопожатии, будто мы знакомы всю жизнь.

Его глаза сейчас почему-то изменили цвет – из голубого в темно-синий. Волнуется? Злится? Нет... Ланс смотрел на меня открыто, с пониманием и какой-то затаенной тоской.

Прав был папа: из трех миллиардов мужчин я безошибочно выбрала пришельца с другой планеты!

Но... единственно правильный путь – на то и единственно правильный. Даже если на первый взгляд ведет в дебри.

Я улыбнулась и прошептала:

– Верю тебе. Но зачем нам все это нужно? Зачем вспоминать...

Он ответил так же, шепотом:

– Не сомневался, что поверишь. Мы с тобой накрепко связаны сильными чувствами и предопределенностью. Причем связаны не только друг с другом, но вдобавок по рукам и ногам. Мы должны закончить начатое дело. Это приходится признать, хотим мы того, или нет.

– Для чего заканчивать то, что не удалось сто лет назад?..

Ланс нежно погладил меня по щеке и усмехнулся:

– Из личных соображений.

– Какова же награда?

– Возможность и дальше оставаться рядом.

– Но разве мы сейчас не?..

Он отвел глаза.

– Сейчас все как раньше. Но это время дано нам в долг, чтобы собраться с силами. И скоро долг нужно будет вернуть.

– Почему так скоро???

Ланс тяжело вздохнул и отвернулся. Я предпочла не отставать:

– Вернуть долг? С процентами?! И кто же, позволь спросить, наш с тобой кредитор?

Несколько минут он молчал. Я было решила, что время честных ответов снова подошло к концу, и придется ждать другого удобного случая, но на сей раз ждать почти не пришлось.

– Наш с тобой кредитор?.. – Ланс уставился в одну точку пустым невидящим взглядом. – Это смерть.

Глава 7. Бабушкин сундук

Сегодня моя просторная комната отнюдь не кажется большой. Раз, два, три шага – я пролетаю расстояние до окна и затем поворачиваю обратно. Не могу, не могу сидеть. Никак не могу заставить себя успокоиться...

Своих кредиторов нужно знать в лицо и в затылок, но с нашим конкретным мне совершенно не хотелось знакомиться. Значит, выход только один – погасить кредит заранее, избежав «визита», что бы там это ни значило.

Мой логический ум не выносит недостатка информации. Ведь для восстановления порядка в мыслях нужно обдумать всю ситуацию в комплексе, но за неимением полной картины событий приходится мусолить разрозненные детали.

Словно слайды, в памяти крутится все то, что удалось вспомнить у Ланса.

Слишком много, чтобы все оставить по-прежнему. Слишком мало, чтобы что-то понять... А значит... я должна просто... не думать ни о чем.

Кровать и горизонтальное положение. Спокойно.

Расслабиться... Я могу расслабиться. Я знаю десяток аутотренингов для расслабления, они помогают.

Расслабиться... начать с кончиков пальцев... Хорошо. Теперь выше, икры, бедра. Теперь поясница... выше – грудная клетка – дыхание выравнивается... отлично! Плечи... шея... мышцы лица... виски... затылок...

У меня почти получилось. Почти, но... вдруг перед внутренним взором замелькали новые картинки... они проносились одна за другой с такой скоростью, что я не успевала осмыслить их или задержать. Одно только представилось достаточно четко – как бегу куда-то по гладкому серо-зеленому полу узкого коридора...

Все быстрее, быстрее... Результат моего «расслабления» в итоге – острая головная боль. Боль, которая принесла с собой то самое предобморочное ощущение... холод и чувство невосполнимой потери.

Зря я говорила себе, что Ланс жив-живехонек, что могу убедиться в этом, стоит только набрать его номер... Рука сама потянулась к мобильному. Конечно, не нужно звонить, ведь мы расстались каких-нибудь полтора часа назад, и сейчас он, вероятнее всего, спит, и на дворе ночь, и... я нажала на кнопку вызова.

Он ответил мгновенно.

– Диана!

– Ланс...

– Я не могу уснуть. Беспокоюсь за тебя.

– Не даром. Эдак мне и до больницы недалеко, и до соседей по комнате в белых рубашках со связанными за спиной рукавами. Короче... нужна помощь.

– Говоришь, знакомый гипнотизер? – недоверчиво осведомилась я, повиснув на руке буквально летящего по улице друга. Его подошвы, похоже, не успевали касаться земли, не удивительно, что гололед не по чьей-то воле.

- Условно знакомый...
- Думаешь, он принимает так поздно?
- Ты знаешь еще одного, предпочитающего полуночные визиты?
- Сейчас около двух...

– Юноша, сейчас около двух! Вы не пробовали иногда смотреть если не на часы, то хотя бы на положение солнца относительно горизонта? – маленький худощавый старичок с очками в духе Гарри Поттера на носу и в наспех накинутом на белую пижаму халате хмуро воззрился на нас.

– Дело срочное, – безапелляционно заявил Ланс.

– Ночью второго января может быть только одно срочное дело – отыскать припасенную банку с рассолом! – пробурчал старик, но все же смиростивился. – Ну ладно, заходите.

Он проводил нас в гостиную, на ходу застегивая халат.

– Что у вас такого неотложного приключилось?

– Моя подруга начала вспоминать... некоторые события из прошлого.

– Хорошо... так в каком году, говорите, события произошли? – спросил старичок, усаживая меня в удобное кожаное кресло с подставками для головы и ног, отдаленно напоминающее те, что стоят в частных стоматологических кабинетах.

– 30 июня 1908 года.

Старик нервно моргнул.

– Сколько же вам лет, милая девушка? Судя по всему, вы меня постарше будете?

– Диане шестнадцать.

Старичок раздраженно взирал на Ланса. Я была уверена – он прикидывал, как деликатно нас спровадить. Несколько минут они так и стояли, молча изучая друг друга, наконец гипнотизер не выдержал прямого взгляда пронзительных голубых глаз.

– Судя по всему, речь идет о регрессивном гипнозе?

При упоминании этого термина меня прошиб холодный пот.

Всеми фибрами души ощущая, что может произойти нечто страшное, если соглашусь, я сказала себе, что еще более страшное обязательно случится, если отказаться, и украдкой убрала капли пота со лба.

– Вы правильно поняли, Герман Вольфович, – без малейшей тени эмоций подтвердил Ланс. От его спокойствия невольно стало чуть легче.

Гипнотизер поправил очки. Судя по смятению и недоверию на его лице, сам старичок был весьма далек от спокойствия.

– А вы в курсе, юноша, что далеко не все специалисты... признают этот метод научным?

– У вас в столице, тем не менее, была серьезная практика.

– До недавнего времени... – гипнотизер замялся. – Как насчет ответственности за возможные последствия?.. Вы оба несовершеннолетние, не так ли?

У меня внутри нехорошо екнуло. Какие-то последствия?..

– Хотите, чтобы ее родители что-то подписали? Но для этого придется им все рассказать. Они не сразу поймут, и, сами знаете, вероятно, просто не поверят. А в это время Ди будет становиться все хуже. И тогда они сделают очевидное – сдадут шестнадцатилетнюю девочку тем, кто понятия не имеет об альтернативных методах и предпочитает «проверенные» препараты, разрушающие раз и навсегда нервную систему подростка. Вы же – можете помочь сейчас, без по-настоящему трагических последствий. Так что насчет ответственности?

Гипнотизер шумно вздохнул.

– Знаете, юный Кристенсен, если бы я не был достаточно знаком с вашим отцом, чтобы вам поверить, то мог бы предположить, что ваш визит – новая попытка кое-кого копнуть под меня...

– Если бы мой отец не был достаточно знаком с вами, чтобы считать, что вы – специалист высочайшего класса, чья репутация была разрушена грязной игрой завистников, я бы никогда не доверил вам близкого человека.

С минуту мне казалось, что старик неминуемо вскипит, как перегревшийся чайник, но он взял себя в руки, снова шумно вздохнул и сказал совершенно спокойно:

– Хорошо. Будь по-вашему. В конце концов, юное дарование, если вы платите, почему бы мне не выполнить ваш каприз. Кстати, вы платите вдвойне, поскольку времечко и дельце выбрали не детские.

– Согласен.

– Тогда приступим. Каков желаемый результат?

– Мы надеемся, что вы поможете максимально упростить процесс возвращения Памяти.

Старик лишь пожал плечами и, усевшись напротив меня, принялся водить перед моими глазами круглой гирикой на тонкой серебряной цепочке. Я почти забыла о своем страхе. Я знаю, что произойдет. Но мне уже не важно...

Тело медленно налилось свинцом.

– Диана, сейчас вы заснете. Вас ничто не беспокоит, ничто не тревожит. Мы с вами совершим путешествие. Когда вы услышите «10», вы начнете вспоминать все события своей жизни в обратном порядке, начиная с последних дней, и постепенно возвращаясь в детство. Слышите, какая приятная музыка зазвучала? Она становится чуть громче... вы понимаете, что это колыбельная. Старая колыбельная, которую мать пела, сидя ночью у вашей кровати. Вы чувствуете, что растворяетесь в этой музыке, и она возвращает вас назад... постепенно... не бойтесь. Все хорошо. Мы пойдем назад медленно. 1...2...3...4...5...6...7...8...9...10! Где вы находитесь?

– В городской библиотеке. Меня заинтересовал только что вошедший молодой человек... у него немного необычный выговор... скорее всего, жил в одной из скандинавских стран... я наблюдаю за ним... хотелось бы поговорить, но это, наверное, неудобно... о! Вот, кажется, он идет напрямик к моему столу!

– Слушайте музыку, Диана. Давайте пойдем еще дальше. Скажем, лет на пять. Где вы? Чем вы заняты?

– Я дома, сижу за ноутбуком и плачу.

– Кто вас обидел?

– Девочки в школе. Светка Хвостова насплетничала им обо мне. Они говорят, что я странная, и со мной невозможно общаться... что я веду себя как инопланетянин. Не понимаю, почему они так говорят...

– Вновь сосредотачивайтесь на музыке. Вы слышите колыбельную... слышите?

– Да... это мама поет... что-то о городе над Невой...

– Сколько вам лет сейчас?

– Около года. Мама сидит рядом. Солнечные лучики запутались в ее волосах. Она такая красивая... я улыбаюсь. Вот, теперь она говорит со мной... как с маленькой, почему-то. Думает, что я не понимаю ничего, но я все понимаю... хочется сказать ей об этом... правда, прошлый раз, когда я говорила ей про мой другой дом, на Эйнире, она испугалась, поэтому я пока собираюсь молчать. Незачем пугать ее, правда?

– Кхе-мм... Возвращайтесь дальше в момент своего рождения. Что вы чувствуете?

– Страх... мне холодно и больно... но... вот, кажется, я вижу свет! Теперь страх, и еще надежду. Что-то важное должно произойти...

– Вы помните, как вы умерли?

– Да... меня убили выстрелом в упор. Было холодно... а потом стало спокойно. И свет... свет сообщил, что у меня должно все получиться, в следующий раз... и еще мне радостно, потому что скоро я вновь встречу Элана.

– Элан? Кто это?

– Мой напарник, мы из одного клана. В общем... мы были вместе, пока он не умер. Но он погиб, и мне стало нечего делать на Земле, поэтому я тоже хотела умереть, чтобы войти в новый виток цикла, где мы сможем встретиться.

– Вернитесь чуть раньше. Расскажите, как погиб Элан. Где вы?

– Я... на СЛЕДОПЫТе. Это наш корабль. Мы как раз заканчиваем полет к Земле.

– Как вас зовут, и чем вы занимаетесь на корабле?

– Альта, мастер по машинам, помощник капитана Элана. Нас отправил на Землю новый Первый Старейший, чтобы заставить Таррийцев, или Напавших, как их у нас на Эйнире называют, убраться с Земли, ибо в противном случае планете грозит гибель. То есть, так дела обстоят по мнению Совета. Что касается Элана, меня и остальных троих членов команды, у нас свое мнение по этому вопросу... в общем... мы летим выяснить настоящую историю этих Таррийцев.

– Хорошо. Что вы делаете сейчас?

– Я бегу по коридору к рубке...

– Зачем?

– Чтобы передать капитану информацию. Алианос при смерти, Нат пытался убить его, но Таи ему помешала и Нат отчалил на единственном рабочем челноке. Таи ударилась в истерику из-за побега брата и ввела недопустимую при нашей скорости программу. В результате корабль в аварийном состоянии. Посадка невозможна, тормозные двигатели вышли из строя, а это значит...

– Не волнуйтесь. Просто рассказывайте, что происходит, как если бы вы видели все со стороны.

– Захожу в рубку... сообщаю Элану... но он уже знает. Он говорит, что только я способна успешно посадить оставшийся челнок, который черт знает сколько сотых периода уже на грани элементарного распада, и я должна увезти всех остальных с корабля... что это приказ... что он останется, потому что автопилот не работает из-за вмешательства Таи в управление, а кто-то должен постараться увести горящую машину от населенных мест... он говорит, что утопит СЛЕДОПЫТ в море, которое как раз мельтишит в иллюминаторах, а я успею спуститься за ним на челноке и забрать... наш бортовой компьютер как раз получает информацию о водоеме. Все получится, я успею вернуться за ним. Я уже выхожу из рубки, но что-то заставляет обернуться. Элан стоит ко мне спиной, опустив голову... расстроен? Это так на него непохоже... я кидаю взгляд на голограмму... о нет...

– Что вы видите?

– Мы получили окончательные данные. Там сказано, что это не море, это озеро под нами – Байкал – крупный источник пресной воды на планете! Отравить этот источник, утопив в нем корабль с двигателем, работающим на энергии элементарного распада, – все равно что отравить землян! Элан не пойдет на это...

Я вдруг почувствовала сквозь пелену транса, что кричу, судорожно сжимая ладони в кулаки. Слезы густым потоком текли по щекам... картинка начала распадаться на тысячу осколков, и все они, словно стекляшки из калейдоскопа, своими острыми краями врезались в меня. Слезы текли и текли, веки были такими тяжелыми, что открыть глаза, кажется, не хватит никаких сил... я ощущала себя разрозненно, словно нахожусь одновременно в двух местах... и ощущение это было совершенно ужасным.

– Не теряй связи с нами, прошу...

Какое теплое прикосновение, наверное, это Ланс взял меня за руку?..

– Разбери нас родная стихия на элементарные! Я успею... я вытащу тебя!!!

Видение корабля терялось, но боль и ужас, которые оно во мне будоражило, только усиливались. Мне стоило титанических трудов слегка приоткрыть один глаз, и теперь параллельно с кораблем я сквозь туман забытья могла различить очертания маленькой захлавленной комнаты.

Вдруг кто-то закрыл собой свет, кажется, некий старичок склонился надо мной и что-то говорит...

– Диана, вы видели сон. Вам ничего не угрожает. Вы вспомните об этих событиях тогда, когда будете готовы. Вы вспомните все за доли секунды. Пока же мы поместим весь багаж памяти в маленький шкафчик в вашей голове, и запрем, а ключ будет у вас, чтобы однажды в случае необходимости отпереть его... так... спите... А теперь просыпайтесь.

Видение-корабль разбилось окончательно, оставив меня в белом, как молоко, тумане. Ужас все также сковывал, чувство потери заполнило меня всю, и я ощутила тяжесть, отдаленно напоминавшую действие супергравитации...

– Что? Так и должно быть?

Какой у Ланса взволнованный голос...

– Почему она не очнулась?

– Диана, просыпайтесь! Возвращайтесь домой.

А это еще кто говорит? А, ну да... кажется, какой-то старичок спрашивал меня про детство... подождите-ка... Ди, ты, кажется, совсем сбрендила? Это же гипнотизер, к которому мы пришли, чтобы... о черт, не помню, зачем...

– Скорее, разбудите ее!

– Не могу. Последнее воспоминание, видимо, было невероятно болезненным...

– ... значит, это сознание так защищается? Как угодно – но разбудите ее, хорошо?

– Диана. Диана, вы нас слышите? Это был просто сон. Обещаю, он вас больше не потревожит. Очнитесь.

И чего они так всполошились... ну подумаешь... поспала немного... еще бы поспать... а они раскричались... не дают отдохнуть человеку...

– Нужно... как-то зафиксировать внимание на здесь-и-сейчас...

– Ну так зафиксируйте! Или, может быть, вот это?..

Громкий звук бьющегося стекла прямо под ухом – такое обращение показалось мне уже чересчур. Поспишь тут...

Вот я вам сейчас выскажу...

На сей раз комната приобрела достаточно четкие очертания, я в удивлении осмотрелась. Щеки почему-то оказались мокрыми от слез.

– Что?

Ланс со старичком ошарашено переглянулись.

– Ну, знаете ли!.. Вот так задачу вы оба мне задали. Да, к вашему сведению, юноша, вы только что разбили графин из старинного набора хрусталя. Антиквариат.

– Прошу прощения за порчу имущества и нервов. И огромное спасибо вам за помощь. – Ланс улыбнулся гипнотизеру тепло и обаятельно, как он умеет. Вот и попробуйте после этого на него позлиться. – Герман Вольфович, такой суммы хватит?

Гипнотизер долго взирал на плотную пачку крупных купюр. Затем, тряхнув седыми кудрями, решительно протянул ее Лансу назад.

– Уважаю ваше мужество и щедрость, юный Кристенсен, но... свозите-ка лучше подругу в санаторий. Будем считать это моей врачебной рекомендацией. И передавайте привет старине Элу.

Уходя, Ланс украдкой сунул деньги в книгу на тумбочке.

Когда мы уже спускались по лестнице, Герман Вольфович вдруг окликнул меня.

– Диана! Подождите.

Как был – в домашних тапочках и криво застегнутом халате, старый гипнотизер поспешил к нам.

– Я вот что еще хотел сказать. Обрывки горестных воспоминаний больше не будут вас мучить. Когда именно полностью вернется память, я не знаю, но... уверены ли вы, что это в принципе необходимо? Иногда желание полностью вернуть себе память о прошлом, будь то регрессия или просто травмирующие события данной жизни, от которых мозг предпочел избавиться, напоминает попытку вытащить с пыльного чердака старый бабушкин сундук и водрузить его на самое видное место.

– Что вы хотите этим сказать? – произнесли мы с Лансом практически одновременно.

– То, что вы не можете быть уверены, что найдете в нем нечто полезное. Даже если сто лет назад ваша бабушка удосужилась наполнить его дорогими платьями да вкусной едой, по прошествии времени все это примет вид истлевшего тряпья и плесени. Вдобавок тараканы разбегутся из сундука по дому.

– И это говорит человек, всю жизнь отдавший теории и практике регрессивного гипноза, – пробурчал Ланс себе под нос.

– Вот именно, мой мальчик, именно поэтому я даю вашей подруге такой совет. Диана, прежде чем открывать, и даже только вытаскивать с чердака старые сундуки, вы должны быть точно уверены, что среди плесневелых тряпок найдете нечто ценное, над чем время просто не властно. Нечто, ради чего стоит рыться в гнилье и распускать тараканов. Скажем, фамильный бабушкин алмаз. Собственно, это все, о чем я хотел предупредить вас.

Домой мы шли молча. Действительно чувствовалось, что это – второе утро нового года. Впервые в моей жизни год был настолько... новым.

Молчание нас совершенно не тяготило.

Многие люди не могут молчать друг с другом. Кто-то, наверное, вообще не умеет молчать. А кто-то боится, так как в тишине теряет иллюзию связи, единства с человеком, понимания. Нам было нечего терять, ведь у нас в отношении друг друга никогда не было иллюзий.

Возможно ли такое в принципе? Видимо, да, раз мы с Лансом – тому пример. Иллюзий – не было. Понимание есть.

– Хочешь, пойдем встречать в оранжерее рассвет и допивать «Вдову Клико»?

Спросил так легко, как будто ничего не случилось, и этой ночью мы как раз вышли нагулять аппетит, чтобы потом вновь вернуться к праздничному столу. Как странно. Обычно мне стоило немалого напряжения воли терпеть людей с легким восприятием жизни. Они казались мне пустыми или, по крайней мере, неглубокими... «Невыносимая легкость бытия» – так я любила их называть.

Но умение Ланса разрядить обстановку и любовь к простым радостям жизни меня совершенно очаровали... ведь легкость его натуры рождалась не из инфантилизма или внутренней пустоты, а как раз напротив... от глубины понимания и милосердия. Милосердия, удивительно верно подсказывавшего, когда нужно действовать решительно, а когда гораздо эффективней – забыть тревоги и улыбнуться.

– Пить?... Возможно, лучше сразу в... санаторий.

Он улыбнулся моей простенькой шутке.

– Поедем. Это именно то, что доктор прописал...

– Брось, Ланс, нечего делать в санатории зимой.

– Значит, отправимся за экватор – там лето. Не переживай ни о чем, с финансами порядок, и они не из семейной «коллекции».

Я не стала спрашивать, откуда у него свои деньги в таком изрядном количестве. Я не желала их тратить. Мне было все равно. Какая, в общем-то, разница, где мы находимся и сколько градусов ниже нуля? Ланс шел рядом, от чего на душе у меня наступало явное потепление. Полностью бесплатное и совершенно бесценное.

– А ведь объяснение нашему внезапному и полному пониманию – та жизнь?

Прежде чем ответить, он притянул меня к себе за плечи.

– Мы были всем друг для друга, Ди.

Он всё ещё улыбался.

– Ланс... сдается мне, в той жизни мы были куда способней на подвиги, чем теперь.

Улыбка стремительно сорвалась с его красиво очерченных губ, словно последний яркий лист, подхваченный ветром.

– В том-то и проблема.

Глава 8. Новичок

Мария Ивановна внимательно изучала журнал. Выбор, впрочем, был невелик. Прекрасно отдавая себе отчет, что спрашивать некого, она задумчиво вздохнула.

– Ну, 11«Б», желающие отвечать по четвертой планете солнечной системы не появились?

Тишина...

– Вы хотя бы можете сказать, как она называется?

Риторический вопрос...

– Марс, – буркнула я себе под нос, и через секунду с двух соседних парт раздалось робкое эхо:

– Марс...

Астрономию никто в классе принципиально не учил.

В этот момент послышался негромкий стук в дверь.

– Войдите! – разрешила Мария Ивановна, продолжая изучать журнал теперь уже почти с отчаянием. Дверь открылась, и стройный светловолосый юноша остановился на пороге.

– Здравствуйте. – Он привычным жестом откинул с лица непослушную челку и обвел класс внимательным взглядом. Все зашептались.

– Здравствуйте-здоровствуйте, – живо отозвалась учительница, радуясь отсрочке «судных» двоек. – Вы что хотели?

– Да я, собственно, учиться пришел. Простите за опоздание, только уладил вопрос с зачислением.

– Новичок в третьей четверти? – учительница нахмурилась. – Наверное, сбежал из предыдущей школы из-за «хорошей» в кавычках успеваемости, да? Ну ладно... садись. Что ж с вами такими поделаешь.

– Привет, – шепнул Ланс, приземляясь на соседний стул. – Не против?

– Раз уж ты сбежал сюда вместе со своей успеваемостью, то мне впервые будет у кого списывать.

Мы тихонько засмеялись.

– Оглянись.

– На нас смотрят все до одного.

– Это не на нас. На тебя.

– Можно глупый вопрос? Что-то не так?

Ха, все дело, видимо, в том, что Ланс раньше не учился в местной школе. По крайней мере, он точно никогда не учился в обычной провинциальной школе...

– Наоборот. С тобой все «так». Кроме того... ты сел со мной.

– Да. И?

Терпению Марии Ивановны, все это время старательно игнорировавшей наши перешептывания, настал неминуемый конец.

– Стогова, что вы там с новеньким столь бурно обсуждаете? Не четвертую ли планету?

Придется мне, наверное, поведать Лансу свою сложную историю как-нибудь потом.

– Ээ... можно идти отвечать параграф?

Учительница вздохнула.

– Да знаю я, что ты можешь ответить. Остальные бы так могли...

Ланс осведомился с лукавой улыбкой:

– Вопрос- четвертая планета С. С?

– А вы, молодой человек, про другую систему можете нам сообщить? – Мария Ивановна внимательно поглядела на него сквозь толстые стекла очков.

- Насколько успеваемость позволяет.
- Пока что и про солнечную систему желающих рассказывать немного. Может, новенький, стоит попробовать?
- Он пожал плечами.
- Хорошо.

Не знаю, чего ожидала учительница, но точно не того потока красноречия, который обрушил на нее новичок. У Ланса очень кстати имелся талант говорить о том, что интересовало его самого, так, что слушавшие иной раз забывали дышать. Даже наш беспокойный и малоинтеллектуальный класс сидел тихо. Правда, я в глубине души подозревала, что некоторые больше смотрели, чем слушали.

– Где ты столько узнал по предмету? – спросила учительница, когда Ланс закончил. – Кажется, мне нечему тебя научить.

Я с улыбкой отметила смену тона со снисходительного на уважительный.

– Отец по образованию астрофизик.

– Ну что же, пятерка тебе и передай спасибо своему отцу. Так от чего же ты бежал в середине года, если не от исключения из школы?

– Может быть, не от чего... а куда?

Ланс сел на место. Учительница проводила его внимательным взглядом.

– Тогда ты попал по нужному адресу. Диана, объясни своему соседу, что за подвиги вам скоро предстоят.

Ланс только ухмыльнулся:

– Их, случаем, не двенадцать?..

Я шепнула:

– Школа проходит аттестацию. Скоро нам вместе с тобой и твоими блестящими знаниями предстоит отдуваться на открытом уроке по астрономии. Если с математикой, родным языком и историей однокласски справляются, то английский и астрономия наши, придется принять «огонь» на себя. Честь школы, и все такое.

– Романтично, правда? Только ты, я, и совместная успеваемость...

В этот момент в дверь снова постучали. Обрадованная тем, что, по всей видимости, двойки на сегодня отменяются, Мария Ивановна вновь произнесла сакраментальное «войдите».

На сей раз в кабинете появилась завуч школы и попросила учительницу выйти из класса «пошептаться». Шептались они, надо сказать, довольно громко и несколько взволнованно. То и дело сквозь закрытую дверь до класса доносились обрывки весьма интересных фраз.

«...ничего себе, „детки“! А мы тут при чем?»

Это наша классная, старается, наверное, потише, но не получается.

«ну... у таких свои причуды. Меня о причине в известность не ставили...»

А это завуч. Несмотря на то, что она, теоретически, заведует всем учебным процессом, практически ответственность берется ею только в особых случаях.

«знать бы, как с этой „причудой“ справляться... нет соответствующей квалификации... сложные условия труда! Мне стыдно будет даже рот открыть!»

Это снова классная, уже совсем на повышенных тонах, и даже с нотками ужаса. Мгм. Впервые за десять лет слышу в ее голосе подобные интонации...

«... .. честь школы! ... сложновато... .. зато престиж... сами посудите.»

Завуч, весьма осторожна в вопросах личной ответственности... а там, где речь идет о взятии ее на себя кем-то другим, решения принимаются бескомпромиссно. Интересно, в чем дело?

Классу, кажется, тоже было интересно. Ребята даже перестали пялиться на Ланса. Кто-то из мальчишек шепнул, что, возможно, проверка в этом году будет жесткая, и посему нам всем, вместе с учителями, капут. Идею тут же подхватили остальные, и она сразу начала обрывать ужасами.

Через минуту Мария Ивановна вернулась. Выглядела она, надо сказать, изрядно ошарашенной. Медленно пройдя за свой стол, учительница села и молча обвела класс взглядом. За партами зашептались вдвое громче.

– Что случилось? Что она вам сказала? – не выдержала староста Иришка Красникова. – Проверяющие будут строгие?

Остановив взгляд на Лансе, Мария Ивановна чуть дрогнувшим голосом произнесла:

– Кристенсен... что же ты сразу не сообщил? Такие школы... столько премий, грант... о, и научная работа... но если ты уверен... мы, безусловно, польщены...

Ланс, который, похоже, отлично понял, о чем шла речь, спокойно ответил:

– Прошу вас, не будем делать из этого событие.

Налив себе в стакан воды и осушив его крупными глотками, классная, обращаясь ко всем, сообщила:

– Ребята. С сегодняшнего дня с нами учится вундеркинд.

Словно подытожив, вслед за ее словами прозвенел звонок. И в тот самый момент началось.

Глава 9. Яблоко раздора

Кажется, теперь он начал понимать, почему на него все смотрели. Да и последние слова учительницы только подогрели интерес одноклассников.

Я сочла за лучшее отойти к окну. Социофоб вроде меня в эпицентре толпы – зрелище жалкое, тем более, что Ланс и один неплохо справится. Сейчас его засыплют вопросами, а вслед за этим – разного рода предложениями, начиная от работы в школьной стенгазете, заканчивая навязчивыми намеками на ужин тет-а-тет. И горе нам, если он обмолвится, что занят вечером, и следующими вечерами тоже, потому что мы с ним привыкли проводить все свободное время вместе, ибо тогда...

Красавчик и девочка-изгой? Ну-ну.

Девчонки стали игнорировать меня еще в младших классах, поскольку у нас кардинально не совпали увлечения – я не играла в куклы и классики, предпочитая все свое время проводить за компьютером в одиночестве. Позже, когда мы уже были на полдороги к старшей школе, мне нечего оказалось вставить в их разговоры о тусовках и парнях. Парни, которые в последних классах начинают наконец признавать ценность интеллекта, не связывались со мной из страха на моем фоне выглядеть глупыми. Да и кроме того... что еще я могла бы дать, кроме как списать домашку? Помню, Пашка Воронин – школьная «звезда» и мечта девчонок, попытавшийся поцеловать меня в 9м классе, стал всеобщим посмешищем, когда я, вырываясь с неистовостью загнанного зверя, случайно «уронила» его на пол и убежала. Больше желающих на меня «поохотиться» не нашлось...

А теперь – появляется «яблоко раздора» в лице безупречного Ланса. Вундеркинд, гранты... надо же. Мог бы и сказать. Хотя, чего уж там, могла бы и догадаться. Для него все было слишком просто, один кругозор чего стоит. Мне это казалось нормальным, наверное, только по невнимательности. Мы похожи? Да, но... Что общего может быть у девчонки из обычной семьи с сыном светила науки? У ученицы одиннадцатого класса средней школы из русского провинциального городка и вундеркинда родом из столицы Швеции?.. Родная планета? Жизненная задача? Отлично. Но это было в той, другой жизни. А что есть сейчас?

Услышав краем уха, как объект всеобщего внимания распространяется про уфологию, я не удержалась и улыбнулась чуть ли не во все 32 зуба, продемонстрировав оконному стеклу положенную, если верить рекламе, норму.

Он намеренно это делает – избавляется от всеобщего внимания. Грантами никого не испугаешь, это же деньги. Разве кто-то станет задумываться, за что их дают. А вот насчет разного рода «тараканов»... короче говоря, немодно быть замороченным, и справедливость этой фразы легко прослеживается на моем собственном примере.

Народ начал потихоньку рассасываться.

– Жаль, что красавчик повелся со Стоговой, – бросил кто-то из девчонок, проходя мимо меня. – Представляете, сказал, что она и есть его девушка...

– И что в ней такого? Одни мозги.

– Неужели вундеркинду своих мозгов мало?..

Его девушка?.. Ух ты. Вот это ход конем.

– Он бросит тебя, – прошипела подкрававшаяся со спины Хвостова. – Лауреат кучи премий, богатенький, красивенький... и – ты?

– Мы одна команда.

– Брось. Ты же синий чулок. Парни падки на доступность, что у тебя отнюдь не в ассортименте.

– Некоторые предпочитают ассортимент редких душевных качеств, – заметил только что подошедший Ланс. – Мы идем разными дорогами.

– Твоя дорога заведет в монастырь.

– Предлагаешь лично совратить... – Он сделал паузу, и затем продолжил с легкой иронией, – с пути истинного, я имею ввиду?

Щеки Светки покрылись густым румянцем.

Это была красивая партия, да.

– Знаешь, – сказала я, когда за ней закрылась дверь. – Может, не стоило говорить...

– Что именно?

– ...что мы... общаемся.

Получилось как-то неуверенно. Хотелось сказать с достоинством, а вместо этого промямлила.

– Ради чего же?

– Ланс, это – обычная школа, и ученики здесь тоже обычные. Тебе ведь не обязательно здесь учиться. Кроме того, открыто принимая сторону изгоя, ты провоцируешь на такое же отношение. Зачем?

– Не понятно? – Смотря на меня в упор, он продолжил, изобразив свой коронный «нахмур бровей», – Команда мы, или как?

До открытого урока оставалось всего пару дней.

Ролик, демонстрирующий движение планет вокруг солнца, мы сделали сообща с Элиасом, который отжаловал с десятков подходящих для урока видеосюжетов из своего архива. В назначенную дату Ланс принес с собой ноутбук и проектор, так что урок вышел что надо. Естественно, нам обоим пришлось сопровождать видео развернутыми комментариями. Кое-какие реплики мы, согласно загодя «утвержденному» нашей классной сценарию, пасанули недовольной Светке и полному энтузиазма Пашке, а так же еще несколькими одноклассникам, и впечатление всеобщей деятельности получилось достоверным. Нас хвалили. Потом еще раз. И еще. Класс тоже находился в состоянии эйфории: ребята даже подзабыли о бойкоте и кинулись на радостях нас поздравлять. Так откуда же это чувство все возрастающей тревоги?..

Ланс стоял рядом и щедро раздавал сногсшибательные улыбки. Поймав беглый взгляд, он нашел мою ледяную ладонь и чуть заметно сжал ее своими как всегда теплыми пальцами. Шепнул в ухо: «Не грусти. Вместе мы со всем справимся».

Было ясно как белый день, что «всё» относилось вовсе не к открытым урокам.

– Куда же ты собираешься поступать по окончании школы? – спросила меня старшая проверяющая, пожилая женщина в строгом черном костюме.

– Много вариантов.

– Ты ведь идешь на медаль?

– Похоже на то.

– Классный руководитель сказала, что у тебя большие успехи в физике, астрономии и иностранных языках. Думаю, когда получишь аттестат, тебе стоит зайти к нам пообщаться насчет возможной губернаторской стипендии.

– Спасибо.

Кажется, моя немногословность ее смутила. Обычно ученики на все готовы ради подобного предложения, и я не была бы исключением, если бы интуиция не вопила, что очень скоро мне будет не до учебы.

– А ты что планируешь? – обратилась она к Лансу.

– Кристенсен с 15 лет студент, – не без гордости пояснила наша классная. – Университет Лунда, отделение Астрофизики и Теоретической Физики, специализация – астрофизика, экстернат. Был зачислен без экзаменов по результатам одного из конкурсов, в которых участвовал, имеет особую государственную стипендию. Ведет индивидуальную работу под руководством профессорского состава.

Мария Ивановна довольно хмыкнула, заметив, как у проверяющих вытянулись лица.

Мое сердце екнуло так громко, что казалось, они просто не могли не услышать.

– Мальчик не закончил средней школы, но уже студент университета?.. – старшая проверяющая озадаченно потерла подбородок.

– Экстерном сдал все школьные экзамены. В двенадцать лет. В Швеции, – классная развела руками с многозначительным видом. – Вундеркинд.

– Зачем же тебе российский аттестат при таких обстоятельствах?.. – с нескрываемым удивлением обратилась проверяющая к «вундеркинду», который, пока перечислялись его заслуги, ерзал на стуле, мечтая скрыться от повышенного внимания и тревожно поглядывая на меня.

Студент... научная работа...

Действительно, зачем?

– Извините. – Я направилась к выходу из класса и, уже закрывая дверь, почувствовала на себе очередной беспокойный взгляд.

Ну вот. Только этого не хватало.

– Послушай-ка, Ланс, так астрофизик Элиас Кристенсен – твой отец? И чем же он занимается теперь, когда покинул мировую науку?

Вопросы продолжают. Отлично. Успею успокоиться и привести себя в порядок.

– Все больше частными проектами.

– Это не теми ли, которые последнее время подробно освещаются в прессе?

– Да, именно. Простите, мне тоже нужно идти.

Услышав эти слова, я малодушно дала деру.

Все ясно. Понятно, что он здесь делает.

Ланс догнал меня у рекреации.

– Ди, постой! Что стряслось?

– Ничего. Если не считать, что ты меня жалеешь. В школу мою зачислился даже... мало ли, вдруг я еще чего натворю вроде обморока. Ответственный...

– При чем здесь жалость?!

– Успокаиваешь пустыми фразами типа «Все будет хорошо, мы все сможем». А на самом деле что?

– Все так и будет.

– Да ну?.. Скажи, зачем ты здесь, студент Университета Лунда? Из любви к учебе?

Он попытался взять меня за руку, но я вырвала ладонь и метнулась к окну. В голове теснились смутные образы чего-то ужасного, в которых я должна была разобраться. А его прикосновения заставляли эти мысли улетучиваться чересчур быстро. Меня злила собственная не поддающаяся никакому контролю реакция, и еще, что Ланс слишком благороден, чтобы сознаться: сам не рад, что втянул меня, и считает, будто теперь обязан опекать. Вместо того,

чтобы поделиться опасениями, как с равной, он ходит со мной в школу и пишет тесты, которые уже сдал в двенадцать лет.

– Из любви... другой.

– Не смей. Я для тебя балласт. Дань прошлому. Я ничего не помню...

– Иди сюда.

– Нет.

– Послушай... – одно плавное движение – и вот он уже держит меня в объятьях, наплевав на мое «нет» с высокой колокольни. Против собственной воли, я ощутила, что неуверенность и обида тают, уступая место расслаблению и покою. Ланс пару раз провел рукой по моим волосам и продолжил совсем тихо, – Чего ты боишься?

– Не справиться с задачей...

– Я тоже.

Неужели. Яркие голубые глаза полны нежностью, тоской, и... страха нет. Одна решимость.

Глава 10. Мечта о побеге

Телефонный звонок вырвал меня из тягучего варева мрачных размышлений.

– Ланс. Привет. Как раз хотелось услышать твой голос.

– Надеюсь, новость тоже порадует. Как ты относишься к островам под названием Фиджи?

– Честно говоря, трудно составить мнение о том, чего в глаза не видела...

– У тебя в скором времени будет такая возможность.

– Это что, шутка?!

– Это не шутка, а та самая новость. Отец отправляется на многострадальный ежегодный слет, и предложил захватить нас с тобой.

– Просто здорово! Какое замечательное место для слета – Фиджи.

– Слет у папы, а у нас – санаторий. Интенсив в виде моря, солнца и свободы.

– Постой, но ты разве не участвуешь?..

– Нет. Обещаю – никаких занудных банкетов. Итак, ответ положительный?

– Он еще спрашивает. Конечно, волшебник! Вы же исполняете мою мечту.

– Тогда пакуй чемодан, у нас неделя на сборы.

Ответ положительный! Очень положительный! Я схватила маму, только что вошедшую в комнату, и заплясала с ней вальс.

– Диана, ты чего? – удивленно осведомилась она.

– Элиас берет нас с собой на Фиджи!

– А учеба? Как ты собираешься объяснить свое отсутствие?

– В благодарность за спасенную честь школы нам полагается амнистия! Где чемодан?

Однако, мое безудержное веселье неожиданно внушило маме очередную порцию ужасных подозрений. Покачивая головой, она строго взглянула на меня, и в ее взгляде явственно читалась некоторая внутренняя борьба: потребность высказать свои опасения, тем самым испортив мне солнечное настроение, боролась в ней с потребностью это самое так несвойственное мне прекрасное настроение поберечь и, следовательно, промолчать. Я не была уверена, что хочу выслушать ее соображения. Не то чтобы я не считала свою мать авторитетом, напротив. Но момент казался настолько ярким и безоблачным, что совершенно не хотелось его ничем омрачать. Однако, едва я подумала об этом, как мама приняла решение – первая потребность все-таки победила.

– Знаешь, Диана, – медленно начала она, искоса поглядывая на меня из под ресниц. – Мне эта поездка не кажется очень хорошей идеей.

Ну вот. Как я и боялась, конец постиг безоблачную радость в самом ее начале.

– Почему? – кисло поинтересовалась я, пытаясь заправить выбившуюся из хвоста прядку за ухо.

– Ты не находишь все эти события странными?

Решительно ничего из произошедшего сейчас НЕ казалось странным. Если, конечно, не рассматривать всю ситуацию в комплексе, ха-ха.

– Не нахожу.

Она вздохнула.

– Послушай, доченька, я понимаю твои чувства. Так долго быть одной, ни с кем не общаться, проводить все дни у монитора, и вдруг – на тебе, какой подарок судьбы. Ты встречаешь парня, с которым вы становитесь лучшими друзьями, партнерами в учебе... и похоже, что не только в учебе... в общем, не разлей вода. После глуповатых и грубоватых одноклассников, он появляется в твоей жизни, словно сказочный принц. Красив, талантлив,

умен, прекрасно воспитан... а теперь вот еще и в путешествие на экзотические острова пригласил. Да уж, тут есть, от чего голове закружиться.

Она сделала паузу и взглянула на меня в упор. Я явственно ощутила, что сейчас последует «финальный хук в челюсть».

– Да только подумай: ему-то зачем это надо? Жизнь совсем не похожа на сказку – в ней нет идеалов. Просто такова жизнь. Не считай, пожалуйста, что я предвзято отношусь к твоему другу, он не давал повода не доверять... это лишь смутное предчувствие, но оно пугает. С Лансом связана большая опасность для тебя, я это чувствую. Ему определенно что-то от тебя нужно. Я могла бы, пожалуй, предположить, что именно... но совершенно не понимаю этого трюка с поездкой. Ведь ты и так от него без ума – папаше-профессору просто нет смысла сорить деньжищами... да и вряд ли у этого мальчика при столь впечатляющих данных возникают проблемы по части девчонок. Значит, их семейке нужно что-то именно от тебя. Ума не приложу, что это...

Положим, я-то понимала, что «семейке» от меня «нужно», и почему именно от меня. Если бы мама узнала вдобавок, что этот парень, ставший моим «партнером в учебе», на самом деле давно закончил школу, ее недоумение значительно выросло бы в масштабе, и поездка на Фиджи в свете этого выглядела бы вполне логично.

– Ты же знаешь, я очень разборчива в общении. Психология этой семьи отличается от стандартной. Ланс и есть то самое исключение из правил.

Мама провела рукой по моим волосам, нежно пригладив непослушную прядку.

– И все-таки во всей этой красивой истории обязательно найдется подвох.

– Ты права, есть подвох... – Это слетело с моих губ прежде, чем я успела сообразить, что говорю, и вовремя прикусить язык. Мамины брови чуть приподнялись:

– Какой же?..

Можно было пропустить скользкие намеки на сомнительные мотивы Кристенсенов мимо ушей, если бы мама не оказалась права в другом – предчувствие ее, как говорится, не обмануло: опасность имеет место быть, и на это совершенно нечего возразить. Даже не имея ни капли интуиции, можно легко представить себе масштабы этой опасности по тому лишь факту, что Ланс сопровождает меня везде, как security, делая перерывы только на «поспать», и то с явной неохотой. Желание быть вместе никогда не оказывается столь исступленным, если самой этой возможности ничто не угрожает. А мы словно торопились жить, поглощая невероятные объемы информации, впечатлений, экономя любую секунду чтобы провести ее рядом друг с другом... потому что завтра мог прийти «кредитор», чтобы отменить наше «завтра».

Но сколько мне известно об этой опасности? Что, если пройдет еще лет двадцать, прожитых рядом с Лансом, а там... возможно, будет уже не так страшно, и совсем не жаль жизни, взятой в долг... Разве настоящее счастье не стоит этой цены?..

Вот только что ответить? Дорогая мама. Ты права. Есть в нашей красивой истории один огромный подвох. И заключается он в том, что «сказочному принцу» предназначено в обозримом будущем пережить нечто очень страшное... а твоя дочь, по всей видимости, собирается разделить с ним этот тяжелый опыт.

Скажи я подобное, домашнего ареста не избежать... а так хотелось ощутить немного солнца и моря, прежде чем отдавать долги, с головой окунаясь в... предназначенное.

И я неожиданно для самой себя объявила:

– Подвох в том, что... у меня нет чемодана.

Глава 11. Пророчество

Уже через неделю мы сдали багаж и вошли в самолет. Это был мой первый в жизни полет. И он был тем приятнее, что летела я не одна, а вместе с лучшим другом, и не куда-нибудь, а на загадочные далекие острова... Полет оказался совсем не утомительным. Пассажирский рейс, первым классом от Москвы до Токио, и вот теперь – чартер, небольшой самолет, лишь наполовину заполненный салон и стакан свежего сока каждый час. Выяснилось, что я обожаю летать!

Когда летишь выше уровня облаков, кажется, словно самолет несется над бесконечной снежной равниной, исхоженной в разных направлениях некими причудливыми животными. Я не уставала рассматривать облачные рисунки.

Наконец самолет опустил нос и ринулся вниз, словно задумал брать облачные холмы на таран. Фюзеляж вошел в клубы пара, и на пару минут из окна не стало видно ничего кроме густого белого марева, но вот наконец сквозь прореху в последнем слое облаков заблестела неоднородная синяя поверхность океана.

Заметив на ней множество темных точек чуть поодаль, я шепнула Лансу:

– Кажется, их уже видно!

Он подвинулся ближе и выглянул в иллюминатор. Несмотря на духоту в салоне, тепло его тела было приятно.

– Похоже, ты права... Отец, слышишь? Сейчас сядем!

– Угу... – обреченно вздохнул профессор Кристенсен, изо всех сил сражаясь с подступающей к горлу тошнотой.

Количество темных точек все множилось. Я различила три острова покрупнее, остальные были разбросаны вокруг, словно хлебные крошки.

– Ланс, правда, что архипелаг Фиджи включает триста с лишним островов?

– Кажется, где-то около. Но далеко не все из них заселены. Отец рассказывал, что большая часть населения проживает на Вити-Леву. Вон тот, видишь, овальный, побольше. На нем расположена столица.

– Ага, я читала в интернете, что этот остров – самый популярный среди туристов.

Ланс заговорщически подмигнул мне.

– И не только среди туристов. Отцовский слет будет проходить именно там, в Суве, собственно, столице. Остров давно облюбован умеющим делать деньги народом. К нашим услугам множество суперсовременных отелей, забитые под завязку пляжи, дефицит шезлонгов, подтаявшее на солнцепеке мороженое и вечно занятые зонтики.

От нарисованной Лансом «упоительной картины» меня передернуло. Так и вижу, как мы, мучимые жаждой и усталостью, продираемся день деньской по пляжу через штабеля и штабеля тел разной степени загара, силясь не наступить ни на чьи жизненно важные части и отыскать себе пару квадратных метров в теничке.

Заметив по выражению моего лица, какую бурную реакцию вызвали его слова, Ланс расхохотался.

– Не то чтобы я всерьез опасался, что нам не хватит мороженого или шезлонга, сервис там на уровне... но нам с отцом на досуге подумалось, что уж если отдыхать, то в каком-нибудь более уединенном местечке. Вот именно поэтому мы приземлимся в Нанди и сразу же дадим деру!

– Куда?! А как же слет?! – я хотела было еще добавить, что туристический сезон вроде бы начнется не скоро, поэтому особенно внушительных толп можно не опасаться,

но промолчала. А то, мало ли, еще передумает. Ведь и мне экзотический остров в мечтах представлялся скорее пустынным и диким, нежели пестрящим отелями, диско-барами, и разделенным на огороженные территории частных пляжей...

– Его отец не пропустит, до Вити-Леву добраться можно на катере или гидроплане. Тем более, папуля тоже не фанат больших скоплений народа. Посему нас троих уже ждет хижина на Тавеуни – третьем по величине острове архипелага. К слову, прекрасный образчик дикой природы, прибежище для социофобов и влюбленных... что, случается, совпадает.

Я предусмотрительно не стала задавать вертевшийся на языке вопрос, кто в нашей компании к какой категории относится.

Посадка получилась мягкая, но состояния Элиаса это не улучшило. Некоторое время мы посидели в баре, расположенном в здании аэропорта, чтобы дать ему возможность прийти в себя. Едва справившись с приступом тошноты и головокружения, он принялся совершать ряд звонков. Через несколько минут непрерывных разговоров Элиас огорошил нас с Лансом тем, что ему срочно нужно встретиться с коллегой, и предложил какое-то время погулять по городу. Впрочем, мы не возражали.

– Возьмите такси, ребята. Прямо здесь, в здании аэропорта, можно найти гида с машиной. Повеселитесь, а позже встретимся и уплывем на Тавеуни, – бросил он, вставая из-за стола. – Ланс позаботится о тебе, Диана. Ему ведь не впервой путешествовать без меня... правда, сынок?

– Конечно, пап, не волнуйся, все будет отлично. Созвонимся, да?

Как только профессор Кристенсен скрылся из виду, Ланс взял меня за руку и бодрым шагом направился в сторону... противоположную стойке заказа такси!

– Лучший способ испортить впечатление от путешествия – колесить по городу на крейсерской скорости, – весело пояснил он, таща меня к выходу из здания.

– Мы пойдем другим путем?

– Конечно!

– Каким же?

– Мы пойдем пешком.

Легкий ветерок приятно освежал. Мы неспешно шагали по маленькой улочке, изредка делая несколько глотков сока из бутылки, рассматривали все вокруг и болтали о пустяках. На пятом переулке я перестала считать повороты, кажется, и Ланс тоже. На следующем повороте я перестала замечать окружающие дома. Осталось лишь ощущение свободы, отдыха и новизны, предвкушения чего-то сказочного... ну и, конечно, тепло наших пальцев, когда мы держались за руки. Кто-то, возможно, подумает: по всем законам жанра, нечто должно неминуемо испортить сию идиллию. И этот кто-то, пожалуй, окажется не так уж далек от истины.

Неожиданно мы вышли на небольшую площадь перед весьма необычным архитектурным сооружением. Здание было метров тридцати высотой, преимущественно голубого, красного и желтого цветов, со ступенчатой пирамидальной крышей, обильно украшенной орнаментом. Вокруг в большом количестве толклись туристы, среди которых изредка мелькали индусы в национальной одежде.

Заметив группу туристов явно американского происхождения, я направилась к ним и поинтересовалась, что это за постройка.

– Как, вы не знаете? Это же главная достопримечательность Нанди – индуистский храм Шри Шива Субраманья. Говорят, что это самый большой индуистский храм в южном полушарии, – ответил мужчина лет тридцати, в забавной гавайской рубашке.

– О, спасибо за информацию!

Я еще раз взглянула на храм. Очень, очень необычное здание... украшенное вроде бы несколько хаотично, оно неизменно притягивало взгляд. Вот так бы и созерцала его весь день...

Оглянувшись в поисках Ланса, я обнаружила его в компании одного из индусов. Не знаю, почему, но мне подумалось, что это кто-то из служителей Храма. У индуса было очень озабоченное, даже встревоженное лицо. Он быстро говорил что-то Лансу, держа его за рукав. Выражение лица последнего казалось не менее озадаченным. Когда я подошла, индеец продолжал свою напевную скороговорку, не обращая внимания на робкие попытки Ланса прийти к «общему знаменателю».

– ... простите, я не понимаю вас. I'm so sorry. I don't understand your language. Pardon. Ich kann Sie nicht verstehen. No comprendo. Oh my god.⁴ Ди! Иди сюда. Ты случайно не знаешь, что этот уважаемый человек пытается мне сказать?

Я вслушалась, но звуки не стали понятней. Единственное, что я точно видела – что говорящий крайне взволнован и считает очень важным все-таки донести до Ланса информацию... Я беспомощно развела руками.

– Насколько могу судить, он говорит на хинди, а данный язык не входит в число мне понятных.

В этот момент индеец, кажется, совсем потерял терпение. Все еще держа Ланса за рукав мертвой хваткой, он потащил его за собой к храму сквозь толпу туристов. Мне не оставалось ничего, кроме как последовать за ними. Расступающиеся перед монахом туристы в изумлении обзревали странную процессию.

⁴ пытается на разных языках объяснить, что не понимает язык индийца

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.